

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ
РУССКОГО ЯЗЫКА В АМЕРИКЕ.

A GUIDE TO TEACHERS OF
THE RUSSIAN LANGUAGE IN AMERICA

A PEDAGOGICAL JOURNAL IN RUSSIAN
(*Mimeographed*)

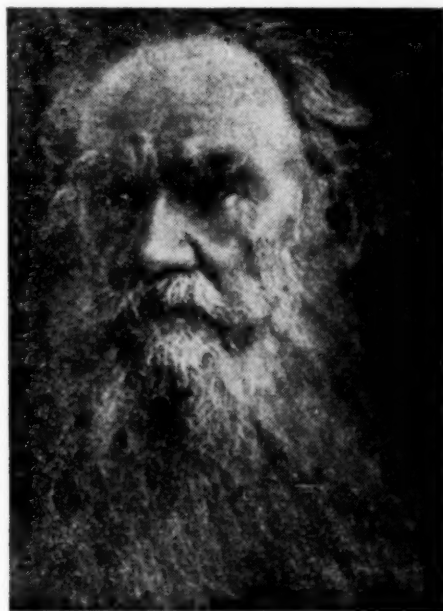
Volume IX

1955

#34

"THE BRIGHTEST STAR
OF RUSSIAN LITERATURE,"
PUSHKIN

"THE GREAT WRITER
OF THE RUSSIAN LAND,"
LEO TOLSTOY

SAN FRANCISCO, CALIFORNIA, U. S. A.

О Г Л А В Л Е Н И Е

1.Ог Редактора-издателя.....	A
2.Ф.М.Достоевский.	Речь о Пушкине..... 1-10
3.Д-р М.А.Полторацкая.	К 900-летию Остромирова Евангелия.....11-14
4.Д-г Abraham Kreusler.	How to conquer fear of studying Russian 15-17
5.Д-р М.А.Полторацкая	Гнезда слов и идиомати- ческие выражения/Уроки перевода/.....18-20
6.Н.П.Автономов.	По поводу одного пере- вода.....21-25
7.Д-р М.А.Полторацкая.	11-ая годовщина Русской Летней Школы в Мидльбури.26-27
8.	Ответы на вопросы.....28-36
9.	Хроника.....37
10.	Библиография.....38-52
11.	Письма в редакцию.....53-57

ОТ РЕДАКТОРА-ИЗДАТЕЛЯ.

1. 20 июня 1955 г. исполняется 75 лет со времени открытия в Москве известного памятника Пушкину. И в тот же день, 8 июня 1880 года, в заседании Общества Любителей Российской Словесности, Достоевский произнес свою знаменитую речь о Пушкине, признанную в свое время "событием".

Отмечая 75-летие этой речи, журнал воспроизводит ее целиком. Она заслуживает полного внимания уже по одному тому, что эта речь посвящена Пушкину и произнесена Достоевским, чье имя, как русского "провидца" и автора "Братьев Карамазовых", "Бесов", "Преступления и Наказания", "Униженных и Оскорбленных", "Идиота", "Записок из Мертвого Дома", "Бедных Людей", "Дневника Писателя" и многих других корошо знакомо американцам.

Важная сама по себе, как выясняющая одну из наиболее существенных особенностей творчества Пушкина, эта речь интересна и указанием одного из самых отличительных свойств, присущих русскому интеллигентному человеку: его стремления ко всечеловеческому объединению, в смысле братского/в лучшем смысле этого слова/ единения всех людей... Мы знаем, что в последние десятилетия идея всемирного объединения приняла в СССР уродливые формы, и, конечно, не те, которые провидел Достоевский, но неудачное воплощение идеи не понижает ее ценности самой по себе.

И чрезвычайно интересное совпадение... Сегодняшнее 20/по новому стилю/июня 1955 года соответствует 8/по старому стилю/июня 1880 года. Таким образом, именно сегодня исполняется 75 лет со времени открытия памятника Пушкину и произнесения речи Достоевского.

Но этого мало.... Именно сегодня и именно здесь, где набрасываются эти мысли, в Сан-Франциско/Калифорния, США/ собралась Мировая Организация-Объединенные Нации. Разве перед нами не попытка всечеловеческого мирового объединения? Разве в этом нельзя не видеть в какой-то степени того, что провидел Достоевский почти сто лет тому назад - не в смысле роли русского человека в этом объединении, а в фактических мировых попытках ко всечеловеческому объединению? И с этой точки зрения речь Достоевского может быть признана, до известной степени, злободневной.

2. Несколько слов в связи со статьей "По поводу одного перевода".

Эта статья была приготовлена и напечатана для №33 журнала, но, за недостатком места, не была помещена в №33. Это надо иметь в виду, так как, в противном случае, некоторые места статьи могут ввести в заблуждение читателя.

3. Читатель, несомненно, заметит, что отдельные страницы данного номера выполнены/технически/неодинаково: одни страницы отпечатаны хуже, другие - лучше. Это - результат работы двух mimeографов: старый работал хуже, новый, только что приобретенный, работает лучше. Надо думать, что в дальнейшем, с №35, журнал в смысле его технического выполнения, значительно улучшится, к работе же старого mimeографа/"ветерана", призыва 1947 года/издатель просит читателей отнестись снисходительно.

20 июня 1955 года.

ДОСТОЕВСКИЙ О РУССКОМ ЧЕЛОВЕКЕ.

/Речь, произнесенная 8 июня 1880 года в заседании Общества Любителей Российской Словесности в связи с открытием памятника Пушкину в Москве/.

Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа, сказал Гоголь. Прибавлю от себя: и пророческое. Да, в появлении его заключается для всех нас, русских, нечто бесспорно пророческое. Пушкин как раз приходит в самом начале правильного самосознания нашего, едва лишь начавшегося и зародившегося в обществе нашем после целого столетия с Петровской реформы, и появление его сильно способствует освещению темной дороги нашей новым направляющим светом. В этом-то смысле Пушкин есть пророчество и указание.

Я делю деятельность нашего великого поэта на три периода. Говорю теперь не как литературный критик: касаясь творческой деятельности Пушкина я хочу лишь разъяснить мою мысль о пророческом для нас значении его, и что я в этом разуверен. Замечу однакоже мимоходом, что периоды деятельности Пушкина не имеют, кажется мне, твердых между собой границ. Начало "Онегина", например, принадлежит, по моему, еще к первому периоду деятельности поэта, а кончается "Онегин" во втором периоде, когда Пушкин нашел уже свои идеалы в родной земле, воспринял и возлюбил их всецело своею любящею и прозорливой душой. Принято тоже говорить, что в первом периоде своей деятельности Пушкин подражал европейским поэтам, Парни, Андре Шенье и другим, особенно Байрону. Да, без сомнения, поэты Европы имели великое влияние на развитие его гения, да и сохраняли влияние это до всю его жизнь. Тем не менее, даже самые первые поэмы Пушкина были не одним лишь подражанием, так что и в них уже выразилась чрезвычайная самостоятельность его гения. В подражаниях никогда не появляется такой самостоятельности страдания и такой глубины самосознания, которые явил Пушкин, например, в "Цыганах"-поэме, которую я всецело отношу еще к первому периоду его творческой деятельности. Не говорю уже о творческой силе и о стремительности, которой не явилось бы столько, если бы он только лишь подражал. В типе Алеко, героя поэмы "Цыганы", сказывается уже сильная и глубокая, совершенно русская мысль, выраженная потом в такой гармонической полноте в "Онегине", где почти тот-же Алеко является уже не в фантастическом свете, а в ослепительно-реальном и понятном виде.

В Алеко Пушкин уже отыскал и гениально отметил того несчастного скитальца в родной земле, того исторического русского страдальца, столь исторически необходимо. "Явившегося в оторванном от народа обществе нашем. Отыскал же он его, конечно, не у Байрона только. Тип этот верный и схвачен безошибочно, тип постоянный и надолго у нас, в нашей Русской земле поселившийся. Эти русские бездомные скитальцы продолжают и до сих пор свое скитальчество, и еще долго, кажется, не исчезнут. И если они не ходят уже в наше время в цыганские таборы искать у цыган в их диком своеобразном быте своих мировых идеалов и успокоения на лоне природы от сбивчивой и нелепой жизни нашего русского интеллигентного общества, то все равно

ударяются в социализм, которого еще не было при Алеко, ходят с новой верой на другую ниву и работают на ней ревностно, веруя, как и Алеко, что достигнут в своем фантастическом делании целей своих и счастья не только для себя самого, но и всемирного. Ибо русскому скитальцу необходимо именно всемирное счастье, чтобы успокоиться: дешевле он не примирится, — конечно, пока дело только в теории. Это все тот-же русский человек, только в разное время явившийся. Человек этот, повторяю, зародился как раз в начале второго столетия после великой Петровской реформы, в нашем интеллигентном обществе, оторванном от народа, от народной силы. О, огромное большинство интеллигентных русских, и тогда при Пушкине, как и теперь в наше время, служили и служат мирно в чиновниках, в казне или на железных дорогах и в банках, или просто наживают разными средствами деньги, или даже и науками занимаются, читают лекции — и все это регулярно, лениво и мирно, с получением жалованья, с игрой в преферанс, безо всякого поползновения бежать в цыганские таборы или куда-нибудь в места более соответствующие нашему времени. Много, много что полиберальничает "с оттенком европейского го социализма", но которому придан некоторый благодушный русский характер, — но ведь все это вопрос только времени. Что в том, что один и не начинал беспокоиться, а другой уже успел дойти до запертой двери и о нее крепко стукнулся лбом. Всех в свое время то же самое ожидает, если не выйдут на спасительную дорогу смиренного общения с народом. Да пусть и из всех ожидает это: довольно лишь "избранных", довольно лишь десятой доли забеспокоившихся, чтобы и остальному огромному большинству не видать через них покоя. Алеко, конечно, еще не умеет правильно высказать тоски своей: у него все это как-то еще отвлеченно, у него лишь тоска по природе, жалоба на светское общество, мировые стремления, плач о потерянной где-то и кем-то правде, которую он никак отыскать не может. Тут есть немножко Жан-Жака Руссо. В чем эта правда, где и в чем она могла-бы явиться; когда именно она потеряна, конечно, он и сам не скажет, но страдает он искренно. Фантастический и нетерпеливый человек жаждет спасения пока лишь преимущественно от явлений внешних; да так и быть должно: "правда, дескать, где-то вне его, может быть, где-то в других землях европейских, например, с их твердым историческим строем, с их установившейся общественной и гражданской жизнью". И никогда-то он не поймет, что правда прежде всего внутри его самого, да и как понять ему это: он ведь в своей земле сам не свой, он уже целым веком отучен от труда, не имеет культуры, рос как институтка в закрытых стенах, обязанности исполнял странные и безотчетные по мере принадлежности к тому или другому из четырнадцати классов, на которые разделено образованное русское общество. Он пока всего только оторванная носящаяся по воздуху былинка. И он это чувствует и этим страдает, и часто так мучительно. Ну и что же в том, что, принадлежа, может быть, к родовому дворянству и даже весьма вероятно обладая крепостными людьми, он позволил себе, по вольности своего дворянства, маленькую фантазийку прельститься людьми, живущими "без закона" и на время стал в цыганском таборе водить и показывать Мишку? Понятно, женщина, "дикая женщина", по выражению одного поэта, всего скорее могла подать ему надежду на исход тоски его, и он о легкомысленной, но страстной верой бросается к Земфире: "Вот, дескать, где исход мой, вот где может быть мое счастье, здесь, на лоне природы далеко от света, здесь, у людей, у которых нет цивилизации и законов". И что-же оказывается: при первом столкновении своем с условиями этой дикой природы он не выдерживает и обгагрывает свои руки кровью. Не только для мировой гармонии, но даже и для цыган не пригодился несчастный мечтатель, и они

выгоняют его — без отщепенца, без злобы, величаво и простодушно:

"Остазь нас, гордый человек:

Мы дики, нет у нас законов,

Мы не терзаем, не казним".

Все это, конечно, фантастично, но "гордый-то человек" реален и метко схвачен. В первый раз схвачен он у нас Пушкиным, и это надо запомнить. Именно, именно, чуть не по нем, и он злобно растерзает и казнит за свою обиду, или, что даже удобнее, вспомнив о принадлежности своей к одному из четырнадцати классов, сам возопиет, может быть/ибо случалось и это/ к закону терзающему и казнящему, и призовет его, только-бы отомщена была личная обида его. Нет, эта гениальная поэма не подражание! Тут уже подсказывается русское решение вопроса, "проклятого вопроса", по народной вере и правде: "Смирись, гордый человек, и прежде всего сломи свою гордость. Смирись, праздный человек, и прежде всего потрудишься на родной ниве", — вот это решение по народной правде и народному разуму. "Не вне тебя правда, а в тебе самом, найди себя в себе, подчини себя себе, овладей собой, и узришь правду. Не в вещах эта правда, не вне тебя и не за мором где-нибудь, а прежде всего в твоём собственном труде над собой. Победишь себя, усмиришь себя, — и станешь свободен, как никогда и не воображал себе, и начнешь великое дело, и других свободными сделаешь, и узришь счастье, ибо наполнится жизнь твоя, и поймешь, наконец, народ свой и святую правду его. Не у цыган и нигде мировая гармония, если ты сам ее недостоем, эгоист и горд, и требуешь жизни даром, даже и не предполагая, что за нее надобно заплатить". Это решение в поэме Пушкина уже сильно подсказано. Еще яснее выражено оно в "Евгении Онегине", поэме уже не фантастической, но осязательно реальной, в которой воплощена настоящая русская жизнь с такой творческой силой и с такой законченностью, какой и не бывало до Пушкина, да и после него, пожалуй.

Онегин приезжает из Петербурга, — непременно из Петербурга, это несомненно было необходимо в поэме, и Пушкин не мог упустить такой крупной реальной черты в биографии своего героя. Повторяю опять, это тот-же Алеко, особенно потом, когда он восклицает в тоске:

"Зачем как тульский заседатель

Я не лежу в параличе?"

Но теперь, в начале поэмы, он пока еще наполовину фат и светский человек, и слишком еще мало хил, чтоб успеть вполне разочароваться в жизни. Но и его уже начинает посещать и беспокоить "бес благородный скуки тайной". В глуши, в сердце своей родины, он, конечно, не у себя, он не дома. Он не знает, что ему делать тут и чувствует себя как-бы у себя-же в гостях. Впоследствии, когда он скитается в тоске по родной земле и по землям иностранным, он, как человек бесспорно умный и бесспорно искренний, еще более чувствует себя и у чужих себе самому чужим. Правда, и он любит родную землю, но ей не доверяет. Конечно, слышал и о родных идеалах, но им не верит. Верит лишь в полную невозможность какой-бы то ни было работы на родной ниве, а на верующих в эту возможность, — и тогда, как и теперь, — многих, — смотрит с грустной насмешкой. Ленского он убил просто от хандры, почем знать, может быть, от хандры по мировому идеалу, — это слишком по-нашему, это вероятно.

Не такова Татьяна: это тип твердый, стоящий твердо на своей почве. Она глубже Онегина и, конечно, умнее его. Она уже одним благородным инстин-

хотел своим предчувствует, где и в чем правда, что и выразилось в финале поэмы. Может быть, Пушкин даже лучше бы сделал, если бы назвал свою поэму именем Татьяны, а не Онегина, ибо бесспорно она — главная героиня поэмы. Это положительный тип, а не отрицательный, это тип положительной красоты, это апофеоза русской женщины, и ей предназначил поэт высказать мысль поэмы в знаменитой сцене последней встречи Татьяны с Онегиным. Можно даже сказать, что такой красоты положительный тип русской женщины почти уже и не повторился в нашей художественной литературе, кроме разве образа Лизы из "Дворянского гнезда" Тургенева. Но манера глядеть свысока сделала то, что Онегин совсем даже не узнал Татьяну, когда встретил ее в первый раз, в глуши, в скромном образе чистой, невинной девушки, так оробевшей перед ним с первого разу. Он не сумел отличить в бедной девочке законченности и совершенства и, действительно, может быть, принял ее за "нравственный эмбрион". Это она-то эмбрион, это после письма — то ее к Онегину. Если есть кто нравственный эмбрион в поэме, так это, конечно, он сам, Онегин, и это бесспорно. Да и совсем не мог он узнать ее: разве он знает душу человеческую? Это отвлеченный человек, это беспокойный мечтатель во всю его жизнь. Не узнал он ее и потом в Петербурге, во образе знатной дамы, когда, по его же словам в письме к Татьяне, "постигая душой все ее совершенства". Но это только слова. Она прошла в его жизни мимо него неузнанная и неоцененная им; в том и трагедия их романа. О, если бы тогда, в деревне, при первой встрече с ней, прибыл туда-же из Англии Чайльд-Гарольд или даже как-нибудь сам лорд Байрон, и заметив ее робкую, скромную прелесть, указал бы ему на нее, — о, Онегин тотчас-же был бы поражен и удивлен, ибо в этих мировых страдалцах так много подчас лакейства духовного! Но этого не случилось, и искатель мировой гармонии, прочтя ей проповедь и поступив все-таки очень честно, отправился с мировой тоской своею и с пролитом в глупенькой злости кровью на руках своих, скитаться по родине, не примечая ее и, кипя здоровьем и силою, восклицает с проклятиями:

"Я молод, жизнь во мне крепка,
Чего мне ждать... тоска, тоска!"

Это поняла Татьяна. В бессмертных строках романа поэт изобразил ее посетившем дом этого столь чудного и загадочного еще для нее человека. Я уже не говорю о художественности, недостижимой красоте и глубине этих строф. Вот она в его кабинете, она разглядывает его книги, вещи, предметы, старается угадать по ним душу его, разгадать свою загадку и "нравственный эмбрион", останавливается, наконец, в раздумьи, со странной улыбкой, с предчувствием разрешения загадки, и губы ее тихо шепчут:

"Уж не пародия ли он?"

Да, она должна была прошептать это, она разгадала. В Петербурге, потом, спустя долго, при новой встрече их, она совершенно его знает. Кстати, кто сказал, что светская придворная жизнь тлетворно коснулась ее души, и что именно сан светской дамы и новые светские понятия были отчасти причиной отказа ее Онегину? Нет, это не так было. Нет, это та-же Таня, та-же прежняя деревенская Таня! Она не испорчена, она, напротив, удручена этой пышной петербургской жизнью, надломлена и страдает; она ненавидит свой сан светской дамы, и кто судит о ней иначе, тот совсем не понимает того, что хотел сказать Пушкин. И вот она твердо говорит Онегину:

"Но я другому отдана
И буду век ему верна".

Высказалась она это именно как русская женщина, в этом ее апофеоза. Она высказывает правду поэмы. О, я ни слова не скажу про ее религиозные убеждения, про взгляд на таинство брака-нет, этого я не коснусь. Но что же: потому ли она отказалась идти за ним, несмотря на то, что сама же сказала ему: "я вас люблю", потому ли, что она, "как русская женщина"/а не южная или не французская какая-нибудь/, неспособна на смелый шаг, не в силах порвать свои путы, не в силах пожертвовать обаянием чести, богатства, светского своего значения, условиями добродетели? Нет, русская женщина смела. Русская женщина смело пойдет за тем, во что поверит, и она доказала это. Но она "другому отдана, и будет ему верна". Кому же, чему же верна? Каким это обязательствам? Этому-то старику генералу, которого она не может же любить, потому что любит Онегина, и за которого вышла потому только, что ее "с слезами заклиний молила мать", а в обихженной, израненной душе ее было только лишь отчаяние и никакой надежды, никакого просвета? Да, верна этому генералу, ее мужу, честному человеку, ее любящему, ее уважающему и ею гордящемуся. Пусть ее "молила мать", но ведь она, а не кто другой, дала согласие, она ведь, она сама поклялась ему быть честной женой его. Пусть она вышла за него с отчаяния, но теперь он ее муж, и измена ее покроет его позором, стыдом, и убьет его. А разве может человек основать свое счастье на несчастье другого? Счастье не в одних только наслаждениях любви, а в высшей гармонии духа. Чем успокоить дух, если назади стоит нечестный, безжалостный, бесчеловечный поступок. Ей бежать из-за того только, что тут мое счастье? Но какое же может быть счастье, если оно основано на чужом несчастье? Позвольте: представьте, что вы сами возводите здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, дать им, наконец, мир и покой. И вот, представьте себе тоже, что для этого необходимо и неминуемо надо замучить всего только одно человеческое существо, мало того-пусть даже не столь достойное, смешное даже на иной взгляд существо, не Шекспира какого-нибудь, а просто честного старика, мужа молодой жены, в любовь которой он верит слепо, хотя сердца ее не знает вовсе, уважает ее, гордится ею, счастлив ею и покоен. И вот только его надо опозорить, обесчестить и замучить, и на слезах этого обесчещенного старика возвести ваше здание! Согласитесь ли вы быть архитектором такого здания на этом условии? Вот вопрос. И можете ли вы допустить хоть на минуту идею, что люди, для которых выстроили это здание, согласились бы сами принять от вас такое счастье, если в фундаменте его заложено страдание, положим, хоть и ничтожного существа, но безжалостно и несправедливо замученного, и, приняв это счастье, остаться на веки счастливыми? Снахите, могла ли решить иначе Татьяна с ее высокой душой, с ее сердцем, столько пострадавшим? Нет, чистая русская душа решает вопрос так: "пусть, пусть я одна лишусь счастья, пусть мое несчастье безмерно сильнее, чем несчастье этого старика, пусть, наконец, никто и никогда, а этот старик тоже, не узнает моей жертвы и не оценит ее, но я не хочу быть счастливой, загубив другого". Тут трагедия, она и совершается, и перейти предела нельзя, уже поздно, и вот Татьяна отсылает Онегина. Снахут: да ведь несчастен же и Онегин: одного спасла, а другого погубила! Позвольте, тут другой вопрос, и даже, может быть, самый важный в поэме. Кстати, вопрос-почему Татьяна не пошла с Онегиным-имеет у нас, по крайней мере, в литературе нашей, своего рода историю весьма характерную, а потому я и позволил себе так об этом вопросе распространиться. И всего характернее, что нравственное разрешение этого вопроса столь долго подвергалось у нас сомнению. Я вот как думаю: если бы Татьяна даже стала свободной, если б умер ее старый муж, и она

овдовела, то и тогда бы она не пошла за Онегиным. Надобно-же понимать всю суть этого характера! Ведь она же видит, кто он такой... Вечный скиталец увидал вдруг женщину, которую раньше пренебрегал, в новой блестящей недостижимой обстановке, — да ведь в этой обстановке-то, пожалуй, и вся суть дела. Ведь этой девочке, которую он чуть не презирал, теперь поклоняется свет, — свет, этот страшный авторитет для Онегина, несмотря на все его мировые стремления, — вот ведь, вот почему он бросается к ней ослепленный! Вот мой идеал, восклицает он, вот мое спасение, вот исход тоски моей, я проглядел его, а "счастье было так возможно, так близко". И как Алеко к Земфире, так и он устремляется к Татьяне, ища в новой причудливой фантазии всех своих разрешений. Да разве этого не видит в нем Татьяна, да разве она не разглядела его уже давно? Ведь она твердо знает, что он принимает ее за что-то другое, а не за то, что она есть, что не ее даже он и любит, что, может быть, он и никого не любит, да и не способен даже кого-нибудь любить, несмежая на то, что так мучительно страдает! Любит фантазию, да ведь он и сам фантазия. Ведь, если она пойдет за ним, то он завтра-же разочаруется и взглянет на свое увлечение насмешливо. У него никакой почвы, это былинка, носимая ветром. Не такова она вовсе: у ней и в отчаянии, и в страдальческом сознании, что погибла ее жизнь, все-таки есть нечто твердое и неизблемое, на что опирается ее душа. Это ее воспоминания детства, воспоминания родины, деревенской глуши, в которой началась ее смиренная, чистая жизнь, — это "крест и тень ветвей над могилой ее бедной няни". О, эти воспоминания и прежние образы ей теперь всего драгоценнее, эти образы одни только и остались ей, но они-то и спасают ее душу от окончательного отчаяния. И этого не мало, нет, тут уж многое, потому что тут целое основание, тут нечто неизблемое и неразрушимое. Тут соприкосновение с родиной, с родным народом, с его святыней. А у него что есть, и кто он такой? Не итти же ей за ним из сострадания, чтобы только потешить его, чтобы хоть на время из бесконечной любовной халости подарить ему призрак счастья, твердо зная наперед, что он завтра-же посмотрит на это счастье свое насмешливо. Нет, есть глубокие и твердые души, которые не могут сознательно отдать святыню свою на позор, хотя бы и из бесконечного сострадания. Нет, Татьяна не могла пойти за Онегиным.

Итак, в "Онегине", в этой бессмертной и недостижимой поэме своей, Пушкин явился великим народным писателем, как до него никогда и никто. Он разом, самым метким, самым прозорливым образом отметил самую глубь нашей сути, нашего верхнего над народом общества. Отметив тип русского скитальца, скитальца до наших дней и в наши дни, первый угадав его гениальным чутьем своим, с исторической судьбой его и с огромным значением его и в нашей грядущей судьбе, рядом с ним поставив тип положительной и бесспорной красоты в лице русской женщины, Пушкин, и, конечно, тоже первый из писателей русских, провел перед нами в других произведениях этого периода своей деятельности целый ряд положительно прекрасных русских типов, найдя их в народе русском. Главная красота этих типов в их правде, правде бесспорной и обязательной, так что отрицать их уже нельзя, они стоят как изваянные. Еще раз напомним: говорю не как литературный критик, а потому и не стану разъяснять мысль мою особенно подробным литературным обсуждением этих гениальных произведений нашего поэта. О типе русского инока-летописца, например, можно было бы написать целую книгу, чтоб указать всю важность и все значение для нас этого величавого русского образа, отысканного Пушкиным в русской земле, им выведенного, им изваянного и

и поставленного перед нами теперь уже на веки в бесспорной, смиренной и величавой духовной красоте своей, как свидетельство того мощного духа народной жизни, который может выделить из себя образы такой неоспоримой правды. Тип этот дан, есть, его нельзя оспорить, сказать, что он выдумка, что он только фантазия и идеализация поэта. Вы созерцаете сами и соглашаетесь: да, это есть; стало быть, и дух народа, его создавший, есть; стало быть, и жизненная сила этого духа есть; и она велика и необъятна. Повсюду у Пушкина слышится вера в русский характер, вера в его духовную мощь, а коль вера, стало быть, и надежда, великая надежда за русского человека.

"В надежде славы и добра

Гляжу вперед я без боязни" -

сказал поэт по другому поводу, но эти слова его можно прямо применить ко всей его национальной творческой деятельности. И никогда еще ни один русский писатель, ни прежде, ни после него, не соединялся так душевно и родственно с народом своим, как Пушкин. О, у нас есть много знатоков народа нашего между писателями, и так талантливо, так метко и любовно писавших о народе, а между тем, если сравнить их с Пушкиным, и то, право же, до сих пор за одним, много что за двумя исключениями из самых позднейших последователей его, это лишь "господа," о народе пишущие. У самых талантливых из них, даже вот у этих двух исключений, о которых я сейчас упомянул, нет-нет, а и просмелькнет вдруг нечто высокомерное, нечто из другого быта и мира, нечто желающее поднять народ до себя и осчастливить его этим поднятием. Возьмите сказание о Медведе и о том, как убил мужик его боярыню медведицу, или припомните стихи:

"Сват Иван, как пить мы станем" ..

и вы поймете, что я хочу сказать.

Все эти сокровища искусства и художественного прозрения оставлены нашим великим поэтом как-бы в виде указания для будущих грядущих за ним художников, для будущих работников на той-же ниве. Положительно можно сказать: не было бы Пушкина, не было бы и последовавших за ним талантов. По крайней мере, не проявились бы они в такой силе и с такой ясностью, несмотря даже на великие их дарования, в какой удалось им выразиться впоследствии, уже в наши дни. Но не в поэзии лишь одной дело, не в художественном лишь творчестве: не было бы Пушкина, не определилось бы, может, с такой непоколебимой силой/ в какой это явилось потом, хотя все еще не у всех, а у очень лишь немногих/ наша вера в нашу русскую самостоятельность, наша сознательная уже теперь надежда на наши народные силы, а затем и вера в грядущее самостоятельное назначение в семье европейских народов. Этот подвиг Пушкина особенно выясняется, если вникнуть в то, что я называю третьим периодом его художественной деятельности.

Еще и еще раз повторяю: эти периоды не имеют таких твердых границ. Некоторые из произведений даже этого третьего периода могли, например, явиться в самом начале поэтической деятельности нашего поэта, ибо Пушкин был всегда цельным, целокупным, так сказать, организмом, носившим в себе все свои зачатки разом, внутри себя, не воспринимая их извне. Внешность только будила в нем то, что было уже заключено в глубине души его. Но организм этот развивался, и периоды этого развития действительно можно обозначить и отметить, в каждом из них, его особый характер и постепенность вырождения одного периода из другого. Таким образом, к третьему периоду можно отнести тот разряд его произведений, в которых преимущественно засияли идеи

всемирные, отразились поэтические образы других народов, и воплотились их гении. Некоторые из этих произведений появились уже после смерти Пушкина. И в этот-то период своей деятельности наш поэт представляет собой нечто почти даже чудесное, неслыханное и невиданное до него нигде и ни у кого. В самом деле, в европейских литературах были громадной величины художественные гении — Шекспир, Сервантес, Шиллеры. Но укажите хоть одного из этих великих гениев, который бы обладал такой способностью всемирной отзывчивости, как наш Пушкин. И эту-то способность, главнейшую способность нашей национальности, он именно разделяет с народом нашим, и тем, главнейше, он и народный поэт. Самые величайшие из европейских поэтов никогда не могли воплотить в себе с такой силой гений чужого, соседнего, может быть, с ними народа, дух его, всю затаенную глубину этого духа и всю тоску его призвания, как мог это проявлять Пушкин. Напротив, обращаясь к чужим народностям, европейские поэты чаще всего перевоплощали их в свою же национальность и понимали по-своему. Даже у Шекспира его итальянцы, например, почти сплошь те же англичане. Пушкин лишь один из всех мировых поэтов обладает свойством перевоплощаться вполне в чужую национальность. Вот сцены из "Сауста", вот "Скупой Рыцарь" и баллада "Жил на свете рыцарь бедный". Перечтите "Дон-Жуана", и если бы не было подписи Пушкина, вы бы никогда не узнали, что это написал не испанец. Какие глубокие, фантастические образы в поэме "Пир во время чумы!" Но в этих фантастических образах слышен гений Англии; эта чудесная песня Мэри со стихами

"Наших деток в шумной школе
Раздавались голоса,"

это английские песни, это тоска британского гения, его плач, его страдальческое предчувствие своего грядущего. Вспомните странные стихи:

"Однажды странствуя среди долины дикой".

Это почти буквальное переложение первых трех страниц из странной мистической книги, написанной в прозе, одного древнего английского религиозного сектатора, — но разве это только переложение? В грустной и восторженной музыке этих стихов чувствуется самая душа северного протестантизма, английского ересиарха, безбожного мистика, с его тупым, мрачным и непреодолимым стремлением и со всем безудержем мистического мечтания. Читая эти странные стихи, вам как бы слышится дух веков реформации, вам понятен становится этот воинственный огонь начинавшегося протестантизма, понятна становится, наконец, самая история, и не только мысль, а как будто вы сами там были, прошли мимо вооруженного стана сектантов, пели с ними их гимны, плакали с ними в их мистических восторгах и веровали вместе с ними в то, во что они поверили. Кстати: вот рядом с этим религиозным мистицизмом, религиозные же строфы из Корана или "Подражания Корану": разве тут не мусульманин, разве это не самый дух Корана и меч его, простодушная величавость веры и грозная кровавая сила ее? А вот и древний мир, вот "Египетские Ночи", вот эти земные боги, севшие над народом своим богами, уже презирающие гений народный и стремления его, уже не верящие в него более, ставшие впрямь уединенными богами и обезумевшие в отъединении своем, в предсмертной скуке своей и тоске тешащие себя фантастическими зверствами, сладострастием насекомых, сладострастием пауковой самки, съедающей своего самца. Нет, положительно скажу, не было поэта с такой всемирной отзывчивостью, как Пушкин, и не в одной только отзывчивости тут дело, а в изумляющей глубине ее, а в перевоплощении своего духа в дух чужих народов, перевоплощении почти совершенном, а потому и чудесном, потому что ни-

где ни в каком поэте целого мира такого явления не повторилось. Это только у Пушкина, и в этом смысле, повторяю, он явление невиданное и неслыханное, а, по-нашему, и пророческое, ибо... ибо тут-то и выразилась наиболее его национальная русская сила, выразилась именно народность его поэзии, народность в дальнейшем своем развитии, народность нашего будущего, тающемся уже в настоящем, и выразилась пророчески. Ибо что такое сила духа русской народности, как не стремление ее в конечных целях своих ко всемирности и ко всечеловечности. Став вполне народным поэтом, Пушкин тотчас же, как только прикоснулся к силе народной, так уже и предчувствует великое грядущее назначение этой силы. Тут угадчик он, тут пророк он.

В самом деле, что такое для нас Петровская реформа, и не в будущем только, а даже и в том, что уже было, произошло, что уже явилось во-очию? Что означала для нас эта реформа? Ведь не была же она только для нас усвоением европейского костюмов, обычаев, изобретений и европейской науки. Вникнем, как дело было, поглядим пристальнее. Да, очень может быть, что Петр первоначально только в этом смысле и начал производить ее, т.е. в смысле ближайше-утилитарном, но впоследствии, в дальнейшем развитии им своей идеи, Петр несомненно повиновался некоторому затаенному чутью, которое влекло его, в его деле, к целям будущим, несомненно огромнейшим, чем один только ближайший утилитаризм. Так точно и русский народ не из одного только утилитаризма принял реформу, а несомненно уже ощутив своим предчувствием почти тотчас же некоторую дальнейшую, несравненно более высшую цель, чем ближайший утилитаризм, - ощутив эту цель, опять-таки повторяю это, бессознательно, но однако же и непосредственно и вполне жизненно. Ведь мы разом устремились тогда к самому жизненному воссоединению, к единению всечеловеческому! Мы не враждебно/как, казалось, должно бы было случиться/, а дружелюбно, с полной любовью приняли в душу нашу гении чужих наций, всех вместе, не делая преимущественных племенных различий, умея инстинктом, почти с самого первого шагу различать, снимать противоречия, извинять и примирять различия, и тем уже выказали готовность и склонность нашу, нам самим только-что объявившуюся и сказавшуюся, ко всему общечеловеческому воссоединению со всеми племенами великого Арийского рода. Да, назначение русского человека есть, бесспорно, всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только, в конце концов, это подчеркните/ стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите. О, все это славнофильство наше есть одно только великое у нас недоразумение, хотя исторически и необходимое. Для настоящего русского Европа и удел всего великого Арийского племени так же дороги, как и сама Россия, как и удел своей родной земли, потому что наш удел и есть всемирность и не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей. Если захотите вникнуть в нашу историю после Петровской реформы, вы найдете уже следы и указания этой мысли, этого мчтанья моего, если хотите, в характере общения нашего с европейскими племенами, даже в государственной политике нашей. Ибо что делала Россия во все эти два века в своей политике, как не служила Европе, может быть, гораздо более, чем себе самой? Не думаю, чтоб от неумения лишь наших политиков это происходило. О, народы Европы и не знают, как она нам дорога! И впоследствии, я верю в это, мы, то есть, конечно, не мы, а будущие, грядущие русские люди, поймут уже все до единого, что стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, все-

человечной и всесоединяющей, вместить в нее с братской любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное Слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону! Знаю, слишком знаю, что слова мои могут показаться восторженными, преувеличенными и фантастическими. Пусть, но я не раскаиваюсь, что их высказал. Этому надлежало быть высказанным, но особенно теперь, в минуту торжества нашего, в минуту чествования нашего великого гения, эту именно идею в художественной силе своей воплощавшего. Главное, все это покажется самонадеянным: "это нам-то, дескать, нашей-то нищей, нашей-то грубой земле такой удел? Это нам-то предназначено в человечестве высказать новое слово?" Что же: разве я про экономическую славу говорю, про славу меча или науки? Я говорю лишь о братстве людей и о том, что ко всемирному, ко всечеловечески-братскому единению сердце русское, может быть, из всех народов наиболее предназначено; вижу следы сего в нашей истории, в наших даровитых людях, в художественном гении Пушкина. Пусть наша земля нищая, но эту землю "в рабском виде исходил благословляя Христос". Почему же нам не вместить последнего слова Его? Да и Сам он не в яслях-ли родился? Повторяю: по крайней мере, мы уже можем указать на Пушкина, на всемирность и всечеловечность его гения. Ведь мог же он вместить чужие гении в душе своей, как родные. В искусстве, по крайней мере, в художественном творчестве, он проявил эту всемирность стремления русского духа неоспоримо, а в этом уже великое указание. Если наша мысль есть фантазия, то с Пушкиным есть, по крайней мере, на чем этой фантазии основаться. Если бы жил он дольше, может быть, явил бы бессмертные и великие образы души русской, уже понятные нашим европейским братьям, привлек бы их к нам гораздо более и ближе, чем теперь, может быть, успел бы им разъяснить всю правду стремлений наших, и они уже более понимали бы нас, чем теперь, стали бы нас предугадывать, перестали бы на нас смотреть столь недоверчиво и высокомерно, как теперь еще смотрят. Жил бы Пушкин долее, так и между нами было бы, может быть, менее недоразумений и споров, чем видим теперь. Но Бог судил иначе. Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот теперь без него мы эту тайну разгадываем.

Д-Р М.А. ПОЛТОРАЦКАЯ.

К 900-ЛЕТИЮ

ОСТРОМИРОВА ЕВАНГЕЛИЯ.

Близится к концу уже девятое столетие, когда на нашей родине появилась первая русская книга. Это было Евангелие-Остромирово Евангелие.

Написана эта книга русским священнослужителем-дьяконом Григорием, в древнем русском владении и для русского правителя-Остромира, посадника Новгородского, а вместе с ним и для всех новгородцев; язык книги также во многом отражает древнерусскую речь/ и в словах, и в выражениях, и в грамматических формах/, хотя оригиналом для нее был старославянский текст. Эти все факты дают нам основание считать Остромирово Евангелие именно русской древнейшей рукописной книгой; поэтому и 900-летию ее русская наука должна придавать особое значение.

Уже самое имя "Остромир" вводит нас сразу в древнерусскую народную среду. При крещении ему было дано христианское имя Иосиф, но оно не прижилось к нему, и новгородцы величали своего посадника исконно по-славянски: Остромир. В летописи же он упоминается и под именем "Стромил".

Эта древнейшая книга- наша национальная гордость; по справедливости, ее можно считать наилучшим образцом в истоке русской письменности. Начиная с ее глубокого духовного содержания и переходя к художественному оформлению, - все замечательно в этой книге.

Это особый вид Евангелия: Евангелие-апрокос, что значит: евангельские чтения для церкви, при богослужении, в течение всего года, от Пасхи начиная. Это-священная книга, просветлявшая душу наших предков и способствовавшая духовному просвещению последующих поколений. Ее возвышенной духовностью проникнута и светская часть- послесловие, в котором дьякон Григорий благоговейно благодарит Бога за благословение на труд и молит. Его даровать благоденствие Остромиру с его "подружьем" и всему христианскому русскому народу:

"Слава тебе Господи Царю Небесный яко съподобил мя еси написати... Евангелие се. Почахъ же е писати въ лѣто 6564, а окончихъ е въ лѣто 6565/т.е.: начал писать в 1056 г. и окончил в 1057г.; по библейскому летоисчислению, Христос родился в 5508 году от сотворения мира; следовательно, для перевода на наш календарь надо из библейского счета вычитать 5508/.

"Написахъ же Евангелие се рабу Божию наречену с. д. шу въ крещении Иосифъ, а мирьскы Остромиръ".

Далее дьякон Григорий дает княжескую родословную, а также места и порядок древнего княжения, и этим вносит существенный вклад в русскую историческую науку: "Изъясну же кнѣзю тогда прядрѣхашу оу власти, и отца своего Ярослава и брата своего Володимира. Самъ же Изъяславъ кнѣзѣ правляше столѣ отца своего Ярослава Киевѣ. А брата своего столѣ порѣчи правити близоку своему Остромиру Новгородѣ" /близоку-родственник-древнерусское слово, столѣ- престол/.

Высоко ценя религиозное рвение Остромира, заказавшего написать книгу Священного Писания, дьякон Григорий возносит молитву за него: "Многа же лѣта даруи Богъ съѣхавъшуму Евангеліе се на утѣшение многа душамъ крестіаньскымъ. Дай ему Господь Богъ благословеніе святыхъ.. самому ему и подружью его Феофанъ и чѣдомъ ея, и подружіемъ чѣдъ ея. Сбдѣрѣвствуйте же имъ многа лѣта" /подружія- жена, древнерусское слово/.

Та же духовность проявляется и в смиренном обращении Григория к русским людям-читателям Божественного слова:

"Азъ Григорій дьяконъ написахъ Евангеліе се да иже гораздѣ... напише, то не мози зазрѣти мнѣ грѣшнику. Молю же всѣхъ почитающихъ, не мозете кѣлѣти, нѣ исправлѣше почитаете" х/

Итак, русская книжность, началась 900 лет тому назад с высоко этической книги, с книги христианского нравственного учения.

Что касается технического выполнения этой первой русской книги, то вот уже девять столетий потомки восхищаются делом своих предков, и, вероятно, будут восхищаться еще более, чем далее в прошлое отходит время, создавшее ее.

На мою жизненную долю выпало большое счастье: я не только видела Остромирово Евангеліе, но я держала его в руках, переворачивала его пергаментные листы, вчитывалась в каждую строку, вглядывалась в каждую гравюру, в заставки, в расписные киновари и золотом заглавные буквы. На меня веял дух веков.

Я благоговела и гордилась: какое высокое искусство и какое тщательное мастерство исполнения! Современный типографский шрифт не может сравниться с красотой и четкостью букв Остромирова Евангелія. Эта древнейшая книга написана/вернее сказать: "нарисована"/ артистическим почерком Устава.

А какими художественными заставками начинается каждая глава! Такого искусства можно достигнуть только при высокой цивилизации. Подобрать такие гармоничные тона красок, создать такой изящный узор из цветов, трав, вязью сплетенных орнаментов-мог только подлинный художник. Один уже этот факт говорит многое национальному самосознанию.

Остромирово Евангеліе долгое время хранилось в Новгородском Софійском соборе, затем было перевезено в Москву, как общенациональное достояние, а при Петре Великом в новую столицу-Петербург. В начале 19 в. Остромирово Евангеліе было помещено в Рукописное отделение Публичной библиотеки. И вот именно там, в русском древлехранилище, мне выпало счастье непосредственно созерцать этот живой исток русской книжности.

х/"Гораздѣ"-искуснее; это древнерусское слово сохранилось в поговорке:

"На все руки горазд"/т.е. искусен/.

"Зазрѣти"-осудить; также древнерусское слово; сохранилось в идиоматическом выражении: "без зазрения совести".

Несколько слов о древлехранилище. Опишу его таким, каким оно запечатлелось в моем представлении. Война могла многое изменить и, конечно, к худшему. Уже известен крупный печальный факт: при эвакуации Ленинграда/она производилась панически и хаотично/ многие библиотечные ценности погибли; не знаю точно, в какой степени пострадало Рукописное отделение, но знаю, что и в нем был значительный урон.

Вот угол Невского проспекта и Садовой улицы. Центр столицы, созданной Петром 1: Санкт-Петербург, Петроград, а теперь чуждо, сомозваннически звучащий Ленинград. Впрочем, колесо истории уже поворачивается вспять: большевистски ликующий Октябрьский проспект вновь обрел свое истинное наименование "Невский" проспект.... Забыта и навязанная "Улица 3-го июля", а, как и встарь, широкая перспектива, пересекающая Невский и ведущая к Инженерному Замку и Летнему Саду, называется Садовой улицей. Не за самими ли "Ленинградом" теперь очередь?

Но вернемся к Публичной библиотеке.

На углу Невского и Садовой возвышается громадное здание, занимающее целый квартал примыкающих к Невскому улиц. Это, собственно говоря, — Книжный Городок. Полтора столетия уже он наполняется книгами — русскими и со всего света. В нем всегда царит тишина храма, и вы схвачены этим чувством, как только вступаете в него. Ковры заглушают шаги, и вы в безмолвии спускаетесь по узкой винтовой леснице глубоко, в подземелье. Туда не проникает ни свет, ни шум улицы. Вы переноситесь из 20-го века в далекую старину, из Советского 3-ьего Интернационала в народную древнюю Русь.

Вся "Злоба днейи сего" осталась наверху, на земле. Вы охвачены спокойным величием давно ушедшего из жизни, но все-еще манящего к себе голоса предков.

Низкие сводчатые залы; полы, стены, потолки — все обито пушистым сукном. Свет льется сверху, как из церковных ганикадил. Все устройство напоминает горницы в Кремлевских древних палатах. Стены заставлены шкафами с рукописями. Их здесь тысячи. Наиболее замечательные рукописи хранятся в специальных "укладках".

В главном зале, на высоком аналое, под стеклом, лежит Остромирово Евангелие. Большая массивная книга, в тяжелом деревянном переплете, обтянутом кожей, с металлическими застёжками.

А перед Остромировым Евангелием — белая мраморная фигура Летописца, в монашеском клобуке и мантии, с пером в руке... На коленях у летописца развернута хартия, и в ней как бы только-что выведенные слова: "Се повести временныхъ лѣтъ, откуда есть пошла Русская земля, кто в Къевѣ нача первѣе княжити, и откуда Русская земля стала есть."

Статуя Летописца — работа знаменитого скульптора Антокольского.

И тут же у пьедестала высокой статуи, за своим письменным столом сидит маленький, согбенный книжник и писец нашего времени — Иван Афанасьевич Бычков. Он — несменный хранитель Рукописного отделения. Свою должность он принял наследственно от отца, который был первым назначен

заведывать Рукописным отделением Императорской Публичной библиотеки. Иван Афанасьевич родился и вырос в здании Публичной библиотеки. По-дружески шутят, что он не знал иных игрушек в детстве, кроме "свитков, покрытых пылью веков".

Когда я познакомилась с Иваном Афанасьевичем/1935-1936 гг./, ему было уже 80 лет. Не знаю его послевоенной судьбы, но до войны он был жив и попрежнему преданно охранял рукописи и неутомимо готовил новые издания русских древностей. Его знания всех рукописей, вплоть до особенностей почерка каждого писца, были поразительны. Бывало, пристально всматриваешься через лупу в витиеватую вязь средневекового или, что еще труднее, в размашистый почерк Петра Великого с буйными/как и его натура/ росчерками, и никак не можешь разобрать того или иного слова. Обратись к Ивану Афанасьевичу за помощью, и он моментально прочтет слово- без лупы, даже без очков, - только поднесет рукопись почти вплотную к глазам.

К Остромирову Евангелию Иван Афанасьевич относился как к подлинной святыне. Оно было для него предметом благоговения и высшей гордости.

Так в моем представлении слились эти три образа в один нераздельный: Остромирово Евангелие на высоком аналое, мраморный Летописец и преданный хранитель русских письменных древностей - Иван Афанасьевич Бычков.

Вот это-те мысли и чувства, которые нахлынули на меня в связи с приближающимся 900-летием первой рукописной книги на Руси - "Остромирова Евангелия".

А закончить мне хочется той же просьбой к читателям, с какой дьякон Григорий обращался в свое время:

"Молю же всякъ почитающихъ: не мовте кдѣти, нъ исправльше почитайте"

М.А.Полторецкая.

DR. ABRAHAM KREUSLEY

HOW TO CONQUER FEAR OF STUDYING RUSSIAN.

It is now more than a commonplace to say that the Russian language should have an equal place among the modern languages taught in colleges and universities because of the growing interest in Russia, as a civilization and a political factor in world affairs. The knowledge of Russian, or Russian culture, has become a vital matter, almost a national necessity, and the Russian studies should have an equal place among the studies of other European languages and cultures in any school of higher learning. Not to have an orientation in the fundamental problem of our epoch, the conflict between East and West, not to know the background of the Russian Revolution and its vicissitudes is to be partially blind to present reality. The understanding of the problem exists, but still enrollment in Russian shows no increase. Students interested in Russian are afraid to register for the language, as it is commonly accepted that its study is connected with insurmountable difficulties. The uninitiated is first repelled by the idea of having to study a new and queer alphabet. When that fear is dispelled by pointing out that the alphabet may be learned in the course of one week, the student willing to register will advance another argument: the grammar is too complicated and its study may prove too heavy a burden. This prejudice is so deeply rooted even among modern language teachers that long and persistent discussions will be required to clear it up. First of all, the question itself whether the study of Russian is more difficult than that of any of the great European languages must be fairly and objectively analyzed. There is no denying of the fact that Russian has a far more complicated morphology than German, or the Romance languages. Does it follow that the study of Russian is therefore more difficult? Our aim is not and should not be to teach grammar as a goal for itself. The purely philological approach is perhaps most to blame for the exaggerated notion of the difficulties of Russian. Russian has other qualities which offset the difficult morphology, a very simple syntax and a simple, beautiful, classical literature. These two qualities make the study of Russian as easy as that German, or French, and more interesting.

In the study of modern languages we have three objectives: the ability to read, to write and to speak the language. These three objectives may be reached in the study of Russian much faster than in any other language, and the amount of energy involved is not greater. It all depends on the approach and on the method we apply. There is no unanimous opinion as to whether the direct method may be applied in teaching Slavic languages. I think it goes to the fact that the word "direct" is so differently understood and sometimes identified with the Berlitz method. I understand the direct method not as a complete exclusion but as a limited use of the native language in teaching a foreign. The possibility of teaching a foreign language without the help of the native has long proved an illusion. In practice the direct method means teaching the active use of the foreign language in speaking and in writing and using translation only in exceptional cases, when there are no other means of making text understood. In this sense use of the direct method will

and, ~~not~~, ~~not~~, ~~not~~

prove greatly advantageous in teaching Russian.

The speaking approach is most important in making the study easier and more interesting. Just because the morphology is complicated, there is a danger of neglecting the speaking method and replacing it by a philological one. Consequently the student may get lost in the forest of Russian grammar. The Russians themselves study grammar in their "desiatiletkas" for 6 years and in colleges before the final examinations dictations are applied to test the knowledge of spelling and morphology. Russian intellectuals, when speaking naturally, will here and there make morphological errors. This is true about other Slavic languages too. Blamelessly correct language in the mouth of a speaker in informal discourse may give it a touch of bookishness. It is hopeless to aim, in undergraduate, and even in graduate study, at a perfect knowledge of Russian grammar. The danger of getting entangled in a mere study of morphology is really very great, because of our natural tendency to correctness and because of the amount of drill exercises in our textbooks. The textbook should not absorb our whole process of teaching Russian.

To find a proper approach we have to consider the essential characteristics of the Russian language, the main difficulties encountered in its study, as well as unusual opportunities offered to teachers and to students. On this basis we should determine what is the easiest way of achieving our main objectives. We have to put up the fact that Russian has a very hard morphology. Much more important, however, is the fact, that a limited knowledge of it is sufficient to start reading classical literature and to obtain facility in making oneself understood in oral and written language. This suggests an entirely different approach in teaching Russian-- a limitation of our requirements of grammar and a shifting of the stress to reading and speaking. If, for instance, the essentials of German morphology and syntax may be easily mastered in two semesters it would be a grave error to try to achieve the same results in Russian. We could perhaps be successful with a chosen group, but at the cost of the interest of the students, for many would surely get the prevalent conviction that Russian is very hard and might naturally be deterred from further study. Such an approach leads to unusual difficulties, because it is not suited to the structure of the Russian language, and is not in line with the conviction of modern language teachers, acquired after long and painful experiences, that the study of a foreign language involves more than the study of grammar.

The simplicity of the Russian literary language offers us a chance for an easier and more interesting study of Russian. The study of the essentials of grammar has to be spread over a period of 3 semesters. The textbook with its drill exercises may form after the first semester only a part of our teaching process, the other part being taken up by reading. Our chief concern then should be fluent and correct reading and speaking. It does not matter that much of the grammar involved will be unknown. The student will learn to recognize new grammatical forms, and the process of assimilating them will thereby be made much easier. Reading will play in this case the substitute of a Russian environment, in which grammatical forms are learned in an unsystematic and an unconscious way. In this stage the simplified texts of Lermontov and Pushkin prove very helpful. They help one to acquire a larger vocabulary in an easy and interesting way. We may start Russian folksongs. These will prove another helpful factor in enlarging the vocabulary and in awakening interest of the student in this very important feature of

Russian culture. By the end of the second semester we may pass to reading original stories of Chekhov. The third and the fourth semesters may be devoted chiefly to classical literature—Chekhov, Pushkin, Gogol, Turgenev and Tolstoy, while the textbook with its drill exercises should form only a subordinate part of teaching process.

Once the students start to read, to sing Russian songs, to express themselves simply by means of the vocabulary they have acquired, their interest in the language is constantly growing. The students, who read Lermontov and Pushkin, forget the difficulties, or rather begin to understand that they are far outbalanced by the possibilities offered by the language. All other languages require an intermediate, or preparatory, stage before the reading of classical literature may be started. Very often the literary value of the books read by the student is low, as it is the underlying vocabulary that has to be considered first. If we were to examine the books often read in German classes to enlarge the knowledge of vocabulary, we would doubtless find that many of them are crude, primitive, or at best infantile fairy stories. There is no other road leading to the understanding of Schiller and Goethe. What other language can give to first year students works that can stand comparison with the masterpieces that may be read in the Russian classes? This is the advantage Russian has over other languages, this is the opportunity it offers.

There is still another equally important advantage. In all other languages there is a gulf between the spoken and the classical language. The stories of Pushkin and Chekhov are written in a simple language, which is very little different from the correctly spoken language of everyday conversation. Their first class aesthetical values, their emotional appeal help the student overcome the intricacies of grammar. They teach the reader to speak, as well, as to understand the spoken language. This, as indicated previously, is the greatest asset of the Russian language. In spite of a difficult grammar, facility in Russian may be acquired in a comparatively short time.

Abraham Kreusler
Randolph-Macon Woman's College

Д-р М.А.Полторацкая.

ИЗ ПРАКТИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ
РУССКОГО ЯЗЫКА В АМЕРИКАНСКОЙ ШКОЛЕ.

Очерк десятый.

Гнезда слов и идиоматические выражения.

/Уроки перевода/.

Профессор Я.А.Позин/Станфордский университет/ на страницах журнала "В помощь преподавателю русского языка в Америке"/№33, стр.18-27, 1955 г./ и профессор Н.П.Вакар/Wheaton College/ X/ в журнале ААТСИЛ/№3 за 1954 г., стр. 44-51/ дали обстоятельные статьи о ведении курса перевода с английского языка на русский и заострили внимание на особенностях перевода идиоматических выражений.

Считая вопрос обучения переводам очень важным, во всей полноте его содержания, и вполне соглашаясь с авторами, что идиоматическим выражениям должно быть уделено особое внимание, я познакомил и со своим скромным опытом в этой области, имея в виду чисто методическую сторону дела.

При интенсивном курсе обучения русскому языку, уже через 3-4 месяца можно заниматься переводом идиоматических выражений.

Как пример, выбираю для урока перевода наиболее распространенные слова как в английском, так и в русском языках. Предлагаю ученикам слово "head" - голова и прошу их припомнить все производные слова, идиомы, устойчивые выражения, а также метафоры, основанные на этом слове. Ученики называют ряд выражений и объясняют их буквальное значение; тогда я даю им эквивалент на русском языке. Английскую идиому и соответствующую ей русскую студенты записывают на классной доске и у себя в своих словариках. Для этой цели студенты, по моей просьбе, завели свои собственные словарики, в дополнение к имеющимся у них печатным словарям.

Затем на основании своих словарных записей, они составляют фразы, диалоги и целые рассказы, вставляя в них выученные разговорные выражения и идиомы.

Отдельные моменты этой работы и их порядок таковы.

Первый момент. Студенты сначала дают перечень сложных слов, начинающихся словом "head": 1, headwork;

- 2, headache,
- 3, headquarters,
- 4, headway,
- 5, headlong

и т.д.

См. в отделе Библиографии рецензию этой статьи, написанной М.А.Полторацкой. Примечание редактора.

Против каждого из этих слов они пишут русский перевод: 1, умственная работа, 2, головная боль, 3, Главный Штаб, 4, ход вперед, поступательное движение, 5, очертя голову.

Второй этап работы. На каждое из этих слов они составляют английское выражение, которое сами же переводят, пользуясь русским эквивалентом, и всю фразу в русском переводе записывают на доске и в своих тетрадях.

Третий этап. Студенты называют глаголы и глагольные выражения, производные от слова head. Все это записывается на доске с параллельным русским переводом:

to head - идти во главе, управлять, возглавлять,

to head for... направляться на...в...

my head turns round - у меня кружится голова/или: у меня голова идет кругом/и т.п.

На эти слова и выражения студенты также составляют фразы, вопросы, ответы и т.п.

Четвертый этап. Студенты записывают ряд английских выражений со словом head и параллельные к ним русские выражения. Каждое русское выражение вначале переводится буквально, а затем разъясняется его переносное значение, если это требуется по его содержанию:

He has a good head - у него голова на месте, *у него хорошая голова,*

Over head and heels - вверх дном,

You have hit the nail on the head - вы угадали,

Neither head nor tail - ни начала, ни конца; ни то ни се,

From head to foot - с головы до ног,

Taller by a head - выше на целую голову/разъясняется и прямое и переносное значение/

Clearheaded - с ясным умом, *с ясной головой,*

On this head - по этому пункту и т.п.

Затем студенты ведут разговор, вставляя в свою речь выученные фразы и выражения.

К следующему уроку студенты должны написать по-русски короткий рассказ со всеми разновидностями перевода английского head и производных от него выражений.

На следующем уроке проводится таким же образом перевод другого широко употребительного слова, напр., "hand" со всеми производными выражениями. Например, составные имена существительные:

handbook	-учебник,
handcraft	-ремесло, рукоделие,
handbasket	-ручная корзинка,
handwriting	-почерк,
handrail	-перила,
handfight	-рукопашный бой,
handwork	-ручная работа,
handful	-горсть,
handkerchief	-носовой платок и т.п.

Затем переходят к глаголам и различным глагольным образованиям:

to hand	-подать, вести,
to hand down	-передать сверху, вниз, спускаться,
to hand out	-вывести за руку,

to hand over -вручать,
 hands off! -не трогать!
 to shake hands -пожать руку друг другу, поздороваться,
 to bear a hand -помочь,
 to give a hand - "

to lend a helping hand -подать руку помощи,

to get the upper hand -получить перевес,

written by hand -написано от руки и т.п.

Весь материал закрепляется составлением фраз и ведением разговора с включением этих фраз.

После этого класс переходит к английским идиомам и поговоркам с соответствующим русским переводом:

To wash one's hands of a thing -умыть руки

From hand to mouth

-изю дня в день; с хлеба на квас.

He has got a hand there

-у него там рука,

To lift one's hand against

-поднять руку на кого-нибудь,

To set one's hand to...

-приложить руку, подписаться,

Off-hand

-на скорую руку,

Ready to hand

-под рукой,

From hand to hand

-из рук в руки,

Steady with your hands!

-рукам воли не давай!

To have oneself in hand

-держат себя в руках и т.п.

Подобный перечень выражений дает широкую возможность студентам применять их устно в рассказе или в вопросо-ответной форме, а также в сочинении, которое выполняется как домашняя работа к следующему уроку.

Таким образом, обучение переводу гнезда слов и производных от него выражений соединяется с практическим применением их в разговоре и в письменных работах.

По нашим наблюдениям такие уроки дают положительные результаты, вызывая активность и заинтересованность студентов.

М.А.Полторацкая.

Н.П.АВТОНОМОВ.

ПО ПОВОДУ ОДНОГО ПЕРЕВОДА
С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ
ЯЗЫК.

/Гербарт Агар. Авраам Линкольн. Перевод А.Конского/.

Нет нужды доказывать, что в последние 10-15 лет, в связи с мировыми событиями-постоянными войнами, организацией Объединенных Наций, растущим влиянием СССР на мировой арене и т.п.- все больше и больше сознается необходимость разработки теории и практики перевода, и принимаются меры к созданию кадра хороших переводчиков, в частности, с английского языка на русский и с русского языка на английский.

Посильно отзывался на эту проблему и журнал "В помощь преподавателю русского языка в Америке": в 1948 году, в №11/12 была напечатана статья проф.Н.В.Первушина-"Требования к переводчикам на русский язык и их подготовка"; в прошлом, 1954 году была опубликована того же автора вторая статья-"К вопросу о теории и практике перевода"; в настоящем номере журнала идет статья проф.Я.А.Позина-"Проблема литературного перевода с русского языка на английский". Все указанные статьи, в основном, -теоретического характера, хотя касаются и некоторых частных, чисто практических вопросов.

Данная статья иного характера:ее автор подходит к вопросу о переводе с особой точки зрения-рассматривает перевод одной книги с английского языка на русский и высказывает некоторые соображения, все ли обстоит благополучно в этом переводе с точки зрения русского читателя, не знающего английского языка и оценивающего перевод только на основании своего знания родного языка.

Допустим ли такой подход к переводу? Казалось бы-да. Ведь если перевод сделан с иностранного языка на русский, то ясно, для каких читателей он сделан: для русских и именно тех русских, кто не владеет тем иностранным языком, с которого сделан перевод, в данном случае-английским. Поэтому поставим себя в положение такого читателя и обратимся к чтению указанной выше книги.

Какие требования может предъявлять к переводу рядовой русский читатель, знающий свой язык? Казалось бы, перевод должен удовлетворять обычным скромным требованиям: язык должен быть правильным, ясным и точным-только в таком случае переводимый автор может быть полностью понят читателем. И не забудем: читатель перевода не будет обращаться к оригиналу, чтобы выяснить для себя то или иное положение перевода-он не владеет языком оригинала, и это известно переводчику.

Конечно, дать хороший перевод-дело не легкое. В статье проф. Позина отмечается, что положение переводчика труднее и ответственнее положения автора оригинала. К этому, пожалуй, можно добавить, что положение переводчика труднее положения читателя. Переводчик связан текстом, который он переводит. Строй языка оригинала, особенности этого языка, мысли, облеченные в определенные словесные формулировки, невольно влияют на переводчика и могут отразиться на языке его перевода. Во всяком случае, переводчик связан текстом оригинала, хотя бы по своим взглядам переводчик был сторонником так называемого вольного перевода. И не даром один из чрезвычайно компетентных переводчиков-Жуковский-называл переводчика "рабом".

И совсем в другом, несравненно более выгодном положении находится читатель: он имеет дело только со своим, родным языком, и с точки зрения именно этого языка, в данном случае, русского, и относится к переводу, замечая погрешности перевода, где они допущены переводчиком.

Мне даже кажется, что в некоторое "рабское" положение ставит себя переводчик даже тогда, когда ему приходится переводить самого себя. И я убежден: текст "перевода", сделанный самим автором, будет уступать тому тексту, который автор даст по этому же вопросу, написав эту же статью /книгу/ вторично на своем родном языке и не обращаясь поминутно к своему же тексту на иностранном языке.

В особенно трудном положении оказывается автор-переводчик в тех случаях, когда у него есть свой индивидуальный стиль. Авторитетное подтверждение этому мы находим у Владимира Набокова, признанного писателя, в совершенстве владеющего некоторыми иностранными языками, писавшего и на иностранных языках и выступавшего переводчиком собственных произведений..

Вот что пишет он, между прочим, в Предисловии к своей автобиографии-"Другие берега".

"Основой и отчасти подлинником этой книги послужило ее американское издание, "Conclusive Evidence". Совершенно владея с младенчества и английским и французским, я перешел бы для нужд сочинительства с русского на иностранный язык без труда, будь я, скажем, Джозеф Конрад, который, до того, как начал писать по-английски, никакого следа в родной/польской/литературе не оставил, а на избранном языке/английском/ искусно пользовался готовыми формулами. Когда, в 1940 году, я решил перейти на английский язык, беда моя заключалась в том, что перед тем, в течение пятнадцати с лишним лет, я писал по-русски и за эти годы наложил собственный отпечаток на свое орудие, на своего посредника. Переходя на другой язык, я отказывался таким образом не от языка Аввакума, Пушкина, Толстого- или Иванова, няни, русской публицистики-словом, не от общего языка, а от индивидуального, кровного наречия. Долголетняя привычка выражаться по-своему не позволяла довольствоваться на новоизбранном языке трафаретами, -и чудовищные трудности предстоявшего перевоплощения, и ужас расставания с живым, ручным существом ввергли меня сначала в состояние, о котором нет надобности распространяться; скажу только, что ни один стоящий на определенном уровне писатель его не испытывал до меня.....

х/Владимир Набоков. Другие берега, стр.7-8. Издательство имени Чехова. Нью Йорк. 1954.

23

Книга "Conclusive Evidence" писалась долго/1946-1950/, с особенно мучительным трудом, ибо память была настроена на один лад-музыкально недоговоренный, русский, а навязывался ей другой лад, английский и обстоятельный. В получившейся книге некоторые мелкие части механизма были сомнительной прочности, но мне казалось, что целое работает довольно исправно, покуда я не взялся за безумное дело перевода "Conclusive Evidence" на прежнее, основной мой язык. Недостатки выявились такие, так откровенно тараторила иная фраза, так много было и пробелов и лишних пояснений, что точный перевод на русский язык был бы каррикатурой Мнемозины. Удержав общий узор, я изменил и дополнил многое. Предлагаемая русская книга относится к английскому тексту, как прописные буквы к курсиву".....

Обратимся теперь к переводу книги Гербарта Агара Авраам Линкольн и приведем сначала ряд примеров, которые "режут ухо" русскому читателю или отличаются другими особенностями, несвойственными русскому языку, а потом, на основании приведенных данных, суммируем особенности перевода.

1. "Линкольн всегда старался уладить противоречия, создать моральный климат".

Русскому языку более свойственно пользоваться в аналогичных случаях словом "атмосфера".

2. "Он/Линкольн/ был...шести футов и четырех вершков".

Если определять рост человека в футах, то части футов необходимо указывать в дюймах, а не в вершках.

3. "С глазами... о длинной шеей, руками и ногами".

"С...руками и ногами". Ясно, конечно, что у каждого человека/в том числе и у Линкольна/ есть и руки и ноги. Переводчик хотел сказать, что у Линкольна были длинные руки и ноги. В таком случае ему следовало бы иначе выразить мысль: "С длинной шеей, длинными руками и ногами"; или же: "с длинными руками, ногами и шеей".

4. "Были моменты, когда он казался состоящим только из рук и ног, и другие, когда видны были только его голова и шея".

Мысль выражена недостаточно ясно: не сразу поймешь, что под "другими" понимаются моменты. Мысль была бы выражена яснее, если бы было повторено слово "моменты": "и другие моменты, когда"... Или же: "В одни моменты весь он казался состоящим только из рук и ног, и в другие моменты"...

5. "В Америке родился человек, которому было дано видеть жизнь неуклонно и пророчески".

А. "Видеть жизнь неуклонно"... Что это значит?

Б. "Видеть жизнь пророчески"... Имелось в виду сказать, что "ему было дано предвидеть будущее"?

6. "Я стою за национальный банк. Я стою за систему внутренних улучшений и за высокий покровительственный тариф. Таковы мои чувства и политические убеждения".

"Политические убеждения" — это понятно... Но при чем здесь "чувства"? Едва ли автор говорил о чувствах, об эмоциях, когда речь идет о банке, тарифах, реформах. Казалось бы, что при решении всех этих вопросов следует руководствоваться не чувствами, а рассудком.. И, может быть, слово "понимание" или другое, подобное ему, было бы более уместно в приведенной цитате, нежели слово "чувства".

7. "Ему предоставлялось право распоряжаться государственными фондами и право выпуска бумажных денег с обязательством окупать их золотом и серебром".

"Окупать их золотом и серебром"... "Окупать"... Что это значит?

С обязательством размена их на золото и серебро? С обязательством обменивать их на золото и серебро?

8. "...И мне предстоит бремя задачи более тяжелой, чем та, что выпала на долю Вашингтона".

"Бремя задачи"... Сочетание "бремя задачи" едва ли удачное: бремя — тяжесть, а задачи бывают трудные или легкие. Можно бы, казалось, иначе выразить мысль: отказаться от слова "бремя" и сказать: "Мне предстоит задача, более трудная, чем"... Или, отказавшись от слова "задача", выразить мысль таким образом: "Мне предстоит бремя, более тяжелое, чем"....

9. "Ибо за Техасом еще более просторные земли Новой Мексики, Калифорнии и Орегона были, поздно или рано, договорами или силой, намечены большинством американцев к захвату"...

Было бы правильнее поставить двоеточие вместо союза "ибо": в таком случае приведенное предложение, стоящее после точки, начинающееся с союза "ибо" и являющееся по форме придаточным предложением к предыдущему, имело бы характер независимого предложения.

Кроме того: русскому языку более свойственно выражение "рано или поздно", а не "поздно или рано".

10. "Мексика не согласилась на продажу и нелюбезно отказалась начать войну".

"Нелюбезно отказалась вести войну"... Несомненно, мысль оригинала передана очень неудачно, и трудно понять, что имел в виду автор оригинала.

11. "Кроме, как в воображении техасцев, Нуесес была установленной границей"...

"Кроме, как"... Вероятно, было бы правильнее сказать: "Только в воображении техасцев"....

12. "Доколе он не был вынужден перспективой разрыва дорогого ему Союза использовать освобождение рабов, как орудие войны, Линкольн никогда не отступал от этих взглядов"...

Громоздкое предложение, и не легко сразу уловить его смысл. Повидимому, переводчику следовало бы развить приведенные предложения и особенно два первых. К тому же страдательный оборот первого предложения увеличивает трудность быстрого понимания мысли автора.

13. "Он слишком дружелюбно относился к окружающим его людям, чтобы искать борьбы или себялюбивого успеха".

Что это за "себялюбивый успех"? "Личный успех"? "Личные интересы"?

14. "Линкольн был мудрым юристом и многого достиг в изучении права, потому что внутренней благодатью ему было дано знать, что человечество не делится на добрых и злых"...

"Внутренняя благодать"... Что это такое? Интуиция? Или нечто другое? Но что? Кроме того: в зависимости от того, что разумеется под "внутренней благодатью", можно признать выражение "дано знать" пригодным в данном случае, или мало подходящим.

15. "Уг должен получить право ветоировать федеральные законы, или же отделиться.... Если такое право вето не будет установлено"....

"Право ветоировать". Есть ли нужда в этом новом слове? Оно пока неупотребительно, да и сам переводчик не склонен пользоваться им в дальнейшем: в следующей же строчке он употребляет "право вето". Для него было бы последовательнее, вместо "право вето" пользоваться отглагольным существительным от "ветировать" — право "ветирования".. Но, конечно, не приходится сожалеть, что он предпочел пользоваться обычным, установленным выражением — "право вето".

16. "Он решил бросить вес своего влияния на чашу весов этого спора".

Казалось бы, можно было бы воспользоваться обычным в этих случаях русским выражением — "употребил все свое влияние", если только автором подлинника не намеренно употреблено здесь образное выражение.

17. "Слушатели знали, что литераторы Новой Англии были готовы засыпать его оскорблениями в прозе и стихах"...

"Литераторы"... Кто разумеется под этим словом: писатели, прозаики, поэты, публицисты, журналисты? Не слишком ли "широким" термином является для данного случая слово "литератор"? И если даже под этим словом подразумеваются все многочисленные деятели пера, их и следовало бы назвать, иначе у русского читателя останется некоторое недоумение относительно этих "литераторов".

18. "Но этого нельзя было достигнуть беспозвоночной уступчивостью". "Беспозвоночная уступчивость"... Что это значит: излишняя уступчивость, неоправдываемая уступчивость, уступчивость, являющаяся в результате слабой защиты своих точек зрения. Во всяком случае: русский читатель окажется в недоумении..

Оно означает следующее

Д-Р М.А.ПОЛТОРАЦКАЯ.

11-А Я ГОДОВЩИНА РУССКОЙ ЛЕТНЕЙ ШКОЛЫ В МИДЛЬБУРИ.

1 июля т.г. Русская Летняя Школа в Мидльбури/штат Вермонт/ открывает свою 11-ую летнюю сессию. Сессия продлится до 18 августа.

В течение предыдущих 10 лет в Русской Летней Школе в Мидльбури обучалось русскому языку, литературе, истории, методике преподавания и другим учебным дисциплинам русского филологического факультета около тысячи студентов. Многие из них успешно окончили курс со званием бакалавра, а несколько студентов получили уже высшие академические степени-магистра и доктора M.L./Modern Language/.

Большинство из американцев, прошедших курс Русской Школы в Мидльбури, в настоящее время плодотворно применяют свои знания русского языка в различных областях государственной и общественной службы, а также в педагогической, научной и литературской деятельности. В прошлом году, к десятилетнему юбилею Школы, из разных концов Америки и Европы пришли поздравительные письма от бывших студентов, с выражением их признательности и с сообщением об их службе, которую они получили благодаря своим знаниям русского языка.

Так, напр., Dr. Trade Guntner служит уже около двух лет в Американском Комитете по освобождению народов России от большевизма.

Charles T. Babcock преподает русский язык в Kent State University.

Dr. Joseph C. Doherty, первый получивший академическую степень в Русской Школе в Мидльбури, преподает русский язык, служит переводчиком по русским делам и занимается исследовательской работой, изучая материалы, публикуемые в Советском Союзе.

Priscilla Johnson назначена редактором в "Current Digest" по разделу советской прессы.

Frances Chantz получила магистерскую степень в 1952 году и в настоящее время обучает русских и украинских новообращенцев и помогает им во всех затруднениях, встречающихся на их пути в новой для них стране.

Frances Gross получила службу в Русском отделе Библиотеки Конгресса и принимает участие в проекте составления Cyrillic Union Catalogue.

Walter M. Pintner занимается исследовательской работой в Гарвардском Институте по изучению Советского Союза; в 1953 г. он опубликовал свою статью об экономическом состоянии Советской Центральной Азии в журнале "Royal Central Asian Journal". Он подчеркивает, что все источники, которыми он пользовался при изучении этой экономической проблемы, были исключительно на русском языке.

Я привела здесь только малую часть из той груды писем, которые были получены директором Школы проф. М. М. Фейером, ко дню празднования десятилетия Школы; но к его письмам я добавлю еще несколько своих из частной переписки с моими бывшими слушателями Школы:

Фред Вильдфорд, прошедший курс в 1952 г., преподает уже два года русский язык в штате Канзас и очень доволен своей работой.

Джемс Вудбури и Виктор В. Заслаков/американец русского происхождения/ сдали государственные экзамены на звание переводчика и выехали уже в другие страны на службу.

П. С. Петельчук/американец украинского происхождения/ преподает русский язык в морском училище.

Елена Чавчавадзе/рожденная Rustad/ занимается литературными переводами с русского и помещает их в американских журналах, в отделе иностранной печати.

Можно было бы привести еще много писем, но всех здесь не перечислишь.

О своеобразии Русской Школы в Мидльбури писалось уже немало. Все преподавание в течение летней сессии ведется только на русском языке, — ни одного слова на ином языке! Вступая в Школу, студент дает подписку и скрепляет ее своим честным словом, что он будет говорить только по-русски. Законы Мидльбури в этом отношении так строги, что студент, не сдержавший своего слова, увольняется из Школы. Но зато результаты такого метода блестящие: я сама наблюдала в 1952 г., как учащиеся, пришедшие в Школу 1 июля с небольшим запасом русских слов и со сбивчивыми представлениями о русской грамматике, к концу курса/в середине августа/ говорили уже бегло и могли свободно выражать письменно свои мысли. Что касается кандидатов на академические степени, прошедших уже несколько летних сессий в Мидльбури, то с ними можно было говорить на самые разнообразные темы. Сверх практического овладения русским языком, они обладали еще широкими познаниями в области русской литературы, истории, экономики, русского искусства и т. п.

Русская Летняя Школа в Мидльбури привлекает не только студенческую молодежь, ищущую еще "путевку в жизнь", но много и зрелых людей: опытных педагогов, специалистов-филологов, литераторов и вообще любителей иностранных языков — съезжается на лето в Мидльбури. Их ожидает здесь академическая аудитория, богатая и благоустроенная библиотека, а наряду с этим комфорт и здоровый отдых в живописной природе Зеленых Гор/Green Mountains/ и лазурных озер: Данмор/Dunmore/, Шамплейн и др.

Мидльбури может оказать существенную помощь и русским педагогам из числа невозвращенцев: с русским университетским дипломом здесь можно получить американскую ученую степень после 2-3 летних сессий, а тогда легче будет им восстановить свою основную профессию в Новом Свете.

В этом году студенты-кандидаты на ученую степень прослушают лекционные курсы 3 и проведут семинарские занятия по следующим предметам: История русского языка, История русской литературы, от древнейших времен до 20 века, Специальный курс о Достоевском, История русской дипломатии, История русского искусства и пр.

Пожелаем же наивысших успехов в 11-ой летней сессии Школы всем студентам, педагогам и директору Школы.

М. А. Полторацкая.

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ.

1. Лексика.

А. Вопрос. Правда ли, что "карандаш" — французское слово и является собственным именем?

Ответ. По всей вероятности, слово "карандаш" заимствовано из тюркских языков, в которых "карандаш" или "караташ" означает черный камень, т.е. графит/палочка графита вставляется внутрь карандаша/. Предположение о французском собственном имени "Карандаш" могло бы только возникнуть на основании шутиливой подписи известного каррикатуриста прошлого века "Маркиз Caran d' Ache".

Б. Как объяснить точное значение слова "увечный"?

Ответ. В древнеславянском языке слово "век" имело два значения: 1/ время жизни, 2/ сила, крепость. Приставка "у", образовавшаяся из древнего "у" /уа большого/, означает убыль, лишение. Поэтому "увечный" точно значит: лишенный силы/крепости, здоровья/.

В. Вопрос. Как объяснить значение и происхождение выражений "объегорить", "подкузывать"?

Ответ. Это яркий пример народной этимологии, произведенной от собственных имен. Для объяснения этих выражений надо обратиться в далекую русскую старину, когда крестьяне "рядились" на работу у землевладельцев обычно весной на "Егория"/23 апреля по ст.стилю/, а осенью, в "Кузьмин" день/1 ноября по ст.ст./ получали расчет.

При найме и расчете нередко случалось, что их обчитывали или вообще в каком-то отношении "обкуливали"/говоря народным языком/, отсюда и пошло шутиливо-ироническое выражение "объегорить", т.е. обмануть, "обжулить" с той же приставкой "об", значущей "кругом", "полностью", а также "подкузывать" — с приставкой "под", как и в словах "подвести", подложить неприятность, подставить ногу" и т.п.

Подобное этимологическое изменение и переосмысливание собственных имен вводят наши русские "Ди-Ли", недавно прибывшие в Америку; так, нам не раз приходилось слышать от русских рабочих: "На Лябордея мы не работаем; на Лябордеев день фабрика будет закрыта"... Таким образом "Labor Day" превратился в день Святого Лябордея.

Г. Вопрос. Когда слово "кулак" вошло в русский язык, каков его корень, и каковы его смысловые оттенки?

Ответ. Слово "кулак" тюркского происхождения. Оно вошло в русский язык в эпоху татарщины на Руси. В это время в русскую речь вошло довольно много тюркско-татарских слов; впоследствии они обрусели, видоизменившись по законам русской фонетики и морфологии.

По-тюркски "кул" значит "рука". Обрусение выразилось в том, что к тюркскому слову-корню "кул" прибавился русский суффикс "ак". Этот суффикс обычно выражает действующее лицо: рыбак, батрак, смельчак и др. Понятие "кулак" представляет также руку в действии; кулак — крепко сжатая кулак — рука; кулаком действуют. Впоследствии слово "кулак" стало употре-

бляться также и в переносном значении: а/в военном языке "кулак" приобрел значение "сосредоточенная группа войск" для нанесения удара противнику"/напр., военный приказ: "Собрать дивизию в кулак"/; б/в социально-политической терминологии "кулак" обозначает купца или зажиточного крестьянина, грубо эксплуатирующего чужой труд. В таком значении слово "кулак" было введено писателями народнического направления, во второй половине прошлого столетия. При советском режиме социальный термин "кулак" укрепился, как официальное наименование зажиточного крестьянина/хотя бы и никого не эксплуатировавшего/, и приобрел политическое значение "врага народа", подлежащего уничтожению: "Ликвидировать кулаков, как класс", "Покончить с кулаками"-таковы были лозунги советского правительства в 20-30-ые годы.

Д. Вопрос. Что значит выражение: "Быть на чеку"?

Ответ. "Быть на чеку"-старинное русское выражение, означающее: "Быть в ожидании"/т.е. быть на страже, ожидать врага в боевой готовности/. Наречие "на чеку"-того же корня, что и глагол "чекать", т.е. ждать, ожидать. Глагол "чекать" употребляется в народных диалектах юго-западных областей России, возможно под влиянием украинского и польского языков. Этот глагол употребляется во всех современных славянских языках, кроме русского. Возможно предположить, что в русском языке ему соответствует глагол "чяать".

Е. Вопрос. От какого корня происходит прилагательное "изящный", и каково его точное значение?

Ответ. Это слово заимствовано из церковнославянского книжного языка. Этимологический состав его таков: причастие "из-^ишт-ьнъ" от глагола "из-^ишти", то-есть: избрать, так как глагол "шти" значил "брать, брать". Таким образом, "изящный" буквально значит "избранный". Подобное этимологическое значение имеет французское прилагательное "elegant", соответствующее русскому прилагательному "изящный", и причастие "olu" соответствующее русскому "избранный".

Ж. Вопрос. Что этимологически значит "аэродром"?

Ответ. Площадка для аэропланов. Новое слово "аэродром" было составлено по образцу древнегреческого hippodrom т.е. площадка для лошадей /hippo-drom/: hippos- лошадь, drom-площадка./

Многие новые технические термины составлены по этому же образцу: мотодром, велодром, танкодром и др.

З. Вопрос. Как произошло русское слово "весна"? В западноевропейских языках такой корень не встречается.

Ответ. Русское/и вообще славянское/ слово "весна" очень древнего происхождения и непосредственно связано с санскритским "vasantas" /тоже в значении "весна"/. В латинском: "ver, veris", и отсюда в итальянском "Primavera" /т.е. весна/.

Индоевропейский корень слова "весна" восходит к "ios"- "светить", отсюда: ясный, ясно. Следовательно, первоначальное значение слова "весна"- ясное время года.

И. Вопрос. От какого корня происходит "зонтик", и когда это слово появилось в русском языке?

Ответ. "Зонт, зонтик" взято из голландского языка. Голландское "Zonne decko" буквально значит "солнцепокрышка". Слово "зонт"/уменьшительная форма "зонтик"/ вошло в русский обиход в Петровскую эпоху.

Й. Вопрос. Какого происхождения слово "газ"?

Ответ. Слово "газ" введено в употребление голландским физиком 17 века Ван-Гельмонтом. По его собственным словам, он составил слово "газ" из греческого "chaos" /хаос/ и немецкого "geist" /дух/.

К. Вопрос. Какого происхождения слово "двор"? Такого же, что и "дверь"?

Ответ. Очевидно, "двор" и "дверь" имеют общий корень. В санскрите "dvar" -дверь; в зендском dvarem -ворота и "двор"; в греческом *θυρα* /дверь/ и *θυρασι* /вне, за дверью, т.е. на дворе/; в готском "dair" /ворота/; в армянском "durn" значит "дверь", "двор", "ворота". Индоевропейские основы dhuor, dhuor. Из первой основы, очевидно, образовалось слово "дверь", а из второй - "двор". Из этих же основ образовались английское "door" и немецкое "Tür". Замечается также близость русских слов "дверь" и "двор" с английским выражением "next door", что буквально значит "двор о двор", и, может быть, с французским "dehors" в значении "вне, за дверью, на дворе".

Л. Вопрос. Можно ли сопоставить по корням слова: "жить", "живой", "жизнь" с какими-нибудь другими индоевропейскими языками?

Ответ. Несомненно, эти слова индоевропейского происхождения. В санскрите "jivati" означает "живет"; "jivas" живой, жизнь. С этими ~~корнями~~ сопоставляют латинские слова: "vivo, vivoro, vivas" /живу, жить, жив/ и греческое "zoo" -жизнь. В литовском языке "gyvas" живой, живущий; ~~из gyti~~ "gyti" оживать, выздоравливать. Такого же происхождения и слово "живот", употреблявшееся в древнерусском языке в значении "жизнь"/"живот свой за други своя положиша"/; в санскрите - "jivatnas".

2. Морфология и Синтаксис

А. Вопрос. Можно ли глагол "купить" сочетать с творительным падежом в предложении: "Купить этими деньгами автомобиль"?

Ответ. Нет, такое предложение неправильно. Надо сказать: Купить на эти деньги автомобиль. Глагол "купить" с существительным "деньги" в творительном падеже можно употреблять только в значении "подкупить": купить деньгами положение, известность, купить деньгами сторонников себе и т.п. или же в значении "прельстить": купить деньгами ее любовь и т.п.

Б. Вопрос. Почему в повелительном наклонении "пишите" в то время, как в настоящем времени: вы пишете? Ведь это глагол первого спряжения?

Ответ. В повелительном наклонении глагола "писать" ставится буква "и": пиши-пишите! соответственно следующему правилу: если в первом лице единственного числа настоящего времени ударение падает на окончание "у"-"ю", после конечного согласного звука основы, то в повелительном наклонении окончанием служит "и-ите", хотя бы глагол был первого спряже-

ния. Напр. "вы идёте", но "иди-идите"; "вы берёхёте", но "береги-берегите"; "вы несёте", но "неси-несите"; "вы мелёте", но "мели-мелите". Все приведенные глаголы принадлежат к первому спряжению; подобно им и глагол первого спряжения "писать" образует форму повелительного наклонения "пиши-пишите!".

Историческим обоснованием этого служит то обстоятельство, что в древнерусском и старославянском языках суффиксом повелительности был звук "і". Звук "і" соединялся со звуком "е" в окончании 2-ого лица множественного числа настоящего времени и образовывал дифтонг "ѣ". Поэтому повелительное наклонение глаголов с твердой основой звучало и писалось так: "неси-несѣте!" / из "несіете!" / "веди-ведѣте!" и т.п. Но после мягкой шипящей основы, как в глаголе "вы пишете" - "ѣ" не могла образоваться, и суффикс повелительности "и" из единственного числа без изменения переносился во множественное число: "пиши-пишите!".

Повелительное окончание "ѣте" в твердых основах существовало в русской письменности до 13 века. С этого же века русская деловая письменность стала употреблять окончание "ите" не только в мягких, но и в твердых основах. Например, в Духовной новгородца Климента / 1270 год / написано: "у фомы 8 гривенъ възмите" / вместо старого "възѣте!" /.

Возможно, что изменение повелительного окончания твердых основ "ѣте" в окончание "ите" мягких основ произошло под влиянием начавшегося процесса разложения дифтонга "ѣ" на его составные элементы. В украинском языке исторические следы древнего "ѣ" в повелительном наклонении сохраняются и теперь. Так, напр., "вы носите" / настоящее время / и "носьте" - повелительное наклонение; также и в первом лице множественного числа - "мы ходимо" / настоящее время / и "ходім-ходіте" / повелительное наклонение / русское "идемте!" / Украинское "і" соответствует русскому историческому "ѣ".

В. Вопрос. Как образовать повелительное наклонение от глаголов: "видеть" и "слышать"?

Ответ. От глаголов состояния / не действия / не всегда можно произвести повелительное наклонение, так как по своему значению тот или иной вид состояния не может поддаться приказу извне и даже внутреннему побуждению. Этот вид глаголов состояния отражает пассивное, врожденное свойство самой природы. Глаголы "видеть, слышать", а также "гнить, болеть" / в значении "испытывать боль" /, "мочь, хотеть" и т.п. не имеют самостоятельного повелительного наклонения, а заменяются обычно повелительной формой глаголов, близких по значению. Напр.: если нам нужна форма повелительного наклонения от глагола "видеть", то мы пользуемся соответствующими формами от глагола "смотреть": "смотри-смотрите". Для глагола "слышать" мы пользуемся формами повелительного наклонения от глагола "слушать": "слушай-слушайте". Однако, в старом русском языке были формы повелительности и от этих глаголов, и они сохранились в поэзии, а также в некоторых народных диалектах. Напр.: "Вижь!". Из старого "вижь!" образовалась вводная частица "ишь"; напр.: "Ишь, какой ловкий". В церковнославянском: "виждь"; то же и у Пушкина: "и виждь и внемли" / Пророк /. От "слышать" повелительное наклонение было "слыши-слышь!". В разговорной речи и теперь еще употребляется "слышь", как вводная частица: "Слышь, кто-то идет!".

Г. Вопрос. Существует ли причастие настоящего времени от глагола "быть"?

Ответ. В старом русском языке было причастие настоящего времени "сый"/мужеский род/, той же основой, что и глагол "суть"/3 лицо множественного числа/. В современном русском языке это причастие не употребляется; смысловой заменой ему служит причастие "существующий". Старая же форма "сущий, сущая, сущее" в церковнославянской огласовке употребляется как имя прилагательное в старинных народных выражениях и идиомах: Сущая правда, сущая беда, сущая напасть, сущее горе и т.п., причем "сущий" значит "истинный".

Д. Вопрос. Как объяснить студентам смысловое различие между частицами "то" и "нибудь"?

Ответ. Обе частицы выражают неопределенность; они употребляются с местоимениями и местоименными наречиями. Смысловое их различие состоит в том, что частица "то" выражает лицо, место, время или какое-либо иное понятие, совершенно неизвестное для говорящего:

Кто-то пришел/я не знаю этого человека/;

Он куда-то поехал/место и направление его поездки мне неизвестно/;

Когда-то я был в этих краях/я точно не помню времени/;

Какой-то студент прошел мимо/я не знаю этого студента/ и т.п.

Иногда частица "то" выражает загадочность, секретность, которую говорящий не хочет раскрывать: Кто-то пришел к тебе и что-то принес/но я не скажу, догадайся сам/.

Частица "нибудь" имеет более определенное значение, но не по отношению к единичному понятию, а к групповому, к массовому. В частице "нибудь" заключается больше уверенности. Обычно после "кто-нибудь" мы устно или в мыслях добавляем "из какой-то группы, из какого-то числа". Например: Кто-нибудь из соседей поможет мне". Это значит: я не знаю точно определенное лицо, не знаю, кто именно поможет: Иванов или Петров — но я знаю всю группу лиц, которые могут мне помочь; и один из них может мне.

Я поселюсь где-нибудь поблизости. Это значит: я не знаю еще дома, в котором поселюсь, но наметил уже район, где буду жить.

Как-нибудь я добьюсь своей цели, т.е.: я не знаю еще способа действия, но я уверен, что найду необходимый способ/из нескольких существующих/ к достижению поставленной цели.

Я иду в магазин купить что-нибудь из одежды/имеется в виду неопределенная часть из определенного целого/.

Приготовь что-нибудь к обеду/что-нибудь-неопределенное, неизвестное блюдо, но одно из тех, которое обычно подается за обедом/.

"Где-то, когда-то прочел я одно стихотворение"/Тургенев/ — автор выражает полную неопределенность места и времени происшедшего события.

Где-нибудь, когда-нибудь, но мы встретимся: точное время и точное место еще неизвестно говорящему, но у него полная уверенность, что в будущем встреча произойдет.

Что-то мы будем есть завтра? Здесь полная неуверенность и неопределенность.

Что-нибудь мы будем есть завтра. Здесь есть неопределенность в роде пищи, но и общая уверенность, что пища, та или иная, будет.

Е. Вопрос. Как объяснить студентам наличие первого согласного "ш" в формах настоящего времени глагола "слать"? Почему "я шлю, ты слешь"... а не "я слю, ты слешь" и т.д.?

Ответ. Надо сказать студентам, что чередование "с" и "ш" представляет собой общеславянское явление и может часто встречаться в русском языке. Но это чередование может происходить только тогда, когда "с" смягчается последующим или мягким согласным. Согласный "с" подвергается такому смягчению особенно перед мягкими сонорными: "л" и "н". Поэтому из "сли" образовалось "шлю", а из "мысление" образовалось "мышление". В формах прошедшего времени сохраняется первоначальное "с": "слал, слала, слали...", потому что последующий сонорный "л" произносится твердо, сопровождаясь твердым гласным "а".

Ж. Вопрос. Почему мы употребляем две формы спряжения от инфинитива "гудеть": "гудит-гудёт; гудят-гудут"?

Ответ. В современном русском языке предпочтительнее употреблять форму 2-ого спряжения, которая совершенно закономерно образуется от инфинитива "гудеть": "гуку, гудишь... гудят". Однако в разговорном языке сохраняются еще народные формы: "гудеешь, гудёт, ... гудут"; эти формы встречаются также в народной поэзии и в литературных произведениях, стилизованных под народные. Так, у Некрасова: "Идет-гудёт зелёный шум"... Наличие форм 1-ого спряжения, возможно, объясняется тем, что старым инфинитивом этого глагола было "густи", а от инфинитива с окончанием на "сти" обычно образуются глагольные формы 1-ого спряжения: "густи-гудеешь... гудут"; подобные же формы и от глаголов "блести"- "блудеешь, блудят", "бредсти"- "бредёшь, бредут" и др.

Инфинитив "густи" исчез из современной русской речи, но формы настоящего времени от него еще живут и образуются по 1-ому спряжению параллельно с формами по 2-ому спряжению от инфинитива "гудеть".

З. Вопрос. Как правильнее сказать: "Шутка сказать" или "шутку сказать"? Может ли именительный падеж сочетаться с инфинитивом?

Ответ. Оба эти словосочетания правильно построены, но употребляются в речи в совершенно ином значении, а именно: 1/в буквальном: "сказать шутку/или шутку сказать/-винительный падеж; 2/в образном, фигуративном значении: "шутка сказать".

Рассмотрим каждое из этих синтаксических построений.

1/"Сказать шутку"/или "шутку сказать"/ состоит из винительного падежа и инфинитива переходного/транзитивного/ глагола, который, по своей сущности, требует прямого дополнения, т.е. другими словами: винительного падежа без предлога. Следовательно, "шутку сказать" вполне соответствует правилам русского синтаксиса. Так, например, строится предложение: "Надо во время шутку сказать"; "Он был мастер шутку сказать и повеселить собеседников" и т.п.

2/Что же касается именительного падежа с инфинитивом-"шутка сказать", то это словосочетание идет из глубокой старины и в современном русском языке употребляется как идиома, т.е. неизменяемое выражение, застывшее и слившееся в одно целое. В московском наречии 16 века инфинитив с именительным падежом/но в значении винительного/ был весьма распространённым. Впоследствии форма именительного падежа заменилась вини-

тельными падежом, однако некоторые старые выражения, как идиоматические, сохранились до нашего времени.

"Шутка сказать" теперь употребляется нами как эмоциональное восклицание, когда мы хотим подчеркнуть серьезность или грандиозность того, о чем говорим: "Шутка сказать! Я должен выучить всю грамматику!"
 "Шутка сказать-100 этажей в этом небоскребе!"

И. Вопрос. Можно ли английскую фразу: "The train is going fast; it is a fast train" перевести так: "Поезд идет быстро; он скорый поезд"?

Ответ. Нет, это неправильно. Второе предложение должно начинаться определительной частицей "это": весь перевод следует построить так: "Поезд идет быстро: это-скорый поезд".

Для объяснения сопоставим ряд предложений подобного синтаксического типа:

1/Вот каменный дом; это наша школа/нельзя сказать: "он наша школа"/.

2/Вы видите высокое дерево. Это-дуб/нельзя сказать "оно-дуб"/.

3/Поезд подходит к большой станции; это-Курск/нельзя сказать:

"она-Курск"/. Но можно сказать и так: "Поезд подходит к Курску; это-большая станция/но нельзя сказать: "он-большая станция"/.

Из этих примеров видно, что надо употреблять указательную частицу "это"/а не личное местоимение он, она, оно, они/ в тех случаях, когда подлежащим/логически подразумеваемым во втором предложении/ является неодушевленный предмет, а сказуемое состоит из вспомогательного глагола "быть" / в любом времени / и существительного в именительном падеже. Если же подлежащим является лицо, то заменяющим его словом обычно служит личное местоимение:

1/Анна Петровна учит детей: она-учительница. Однако, если в первой половине фразы собственное имя заменяется нарицательным, а нарицательное второй половины фразы заменяется собственным именем, то ставится указательная частица "это": В школу идет учительница; это-Анна Петровна Иванова.

2/Вот мой брат; он-студент. Однако, если мы от общего понятия /в данном случае "студент"/ переходим к личному/частному понятию/, то тогда надо поставить "это": Из университета выходит студент: это-мой брат".

Возвратимся к первым примерам, с неодушевленными предметами:

1/Вот дом; он стоит дорого/сказуемое-глагол/.

2/Вот дом; он кирпичный/сказуемое -вспомогательный глагол/"быть" / в форме "есть" +имя прилагательное.

3/Вот дом; он первый по величине в городе/сказуемое-глагол "быть" /"есть" /+имя числительное. Подобное сказуемое и в следующем предложении: "Вот дом; он в два этажа".

4/Вот дом; он наш теперь/сказуемое -глагол "быть" /"есть" / +местоимение.

Отсюда вывод: Подлежащее неодушевленное заменяется личным местоимением, если сказуемое выражено самостоятельным глаголом или же присвя- зочной частью составного сказуемого является не существительное, а имя прилагательное, числительное или местоимение.

3. Грамматическая терминология.

А. Вопрос. Объясните, пожалуйста, подробнее понятие "Народная этимология".

Ответ. Под термином "Народная этимология" мы подразумеваем переосмысливание русским народом иностранных слов и замену их русскими, похожими по звучанию на иностранные.

Особенно много таких народных переосмыслений встречается в технической терминологии, пришедшей в Россию с Запада, главным образом из немецкого и английского языков.

Например, из немецкого языка:

слесарь - Schlosser,

верстак - Werkstatt,

противень - Bratpfanne,

шумовка - Schäumloffel.

С французского:

гульвар - бульвар,

верояция - вариация,

плитуар - тротуар,

куператив - кооператив / "куператив" от "купить" .. /

С английского:

Английская морская команда "Fall under" / т.е. "Падай вниз" / превратилась на языке русских моряков в "Полундра", а противоположная команда "Over all" / т.е. "Все наверх" / превратилась в "Аврал".

Английские моряки в ответ на приказание отвечают "yes" / т.е. "да" /; в русском флоте это видоизменилось в "есть"; английская морская команда "do you" превратилась в "даешь". Это "даешь" из морского языка перешло в красноармейский: "Даешь Варшаву?" и в советский производственный: "Даешь пятилетку в четыре года?", "Даешь сверхскоростную выработку?", "Даешь 100-процентную подписку на Госзаем?" и др.

В Америке некоторая часть русских превратила "Down- payment" в "даван": "За дом дал 500 долларов давану"...

Б. Вопрос. Что означает термин "калька", "калькирование"? И как производится калькирование?

Ответ. Слово "калька" французского происхождения и буквально означает "копирование, снятие копии".

Калька представляет собой точный перевод каждой значимой части слова с последующим затем соединением переведенных частей в одно целое. Так, например, с латинских слов составлены следующие русские кальки:

Латинское: inter- iect- io, ad-verb- ium,

Русское: междо- мет -ие; на-реч -ие,

Латинское: contra- dict- io, con- pos- itio,

Русское: противо-реч- ие, со- лож-ение и др.

С греческого языка составлены следующие кальки:

Греческое: philo- sophia, eum- phonia

Русское: любо- мудрие, со -звучие / созвучность / и др.

С немецкого:

Немецкое: Vor- stell- ung, Sprach- wissen- schaft;
Русское: пред- став - л- ение языко - зна- - ние /или-
языко - вед- ение/ и др.

С французского:

Французское: im- press- ion, in- flu- ence, dis- tract- ion;
Русское: в - печат- л- ение, в - ли - яние, раз- влеч - ение и др.

Кальки стали вводиться в русский язык, главным образом, в 18 в., в петровскую эпоху. Позже многое калькировал Карамзин, и составленные им кальки прочно укрепились в русском литературном языке, представляя нередко целые выражения и идиомы: Таковы, например, словосочетания и пословицы с французского:

Présence d' esprit	-	присутствие духа,
Prendre les mesures	-	принять меры,
Cela est dans l'air	-	что носится в воздухе,
Une main lave l'autre	-	рука руку моет,
Être sur les épines	-	быть как на иголках,
Voir tout en noir	-	видеть все в черном свете,
Pêcher en eau trouble	-	ловить рыбу в мутной воде,
Avoir une dent contre quelqu'un	-	иметь зуб против когонибудь и др.
Avaler la pilule	-	проглотить пилюлю и др.

Калькирование продолжается и в наше время: так, американский "skyscraper" превратился в русский "небоскреб", "flying fortress" - в летающую крепость.

В. Вопрос. Объясните термин "супплетивизм" и дайте примеры к нему.

Ответ. Термином "супплетивизм" обозначается грамматическая пара слов с разными корнями или с разными основами

Таков, например, супплетивизм корней:

а/при различении видов глагола:

говорить-сказать, класть-положить, брать-взять, ходить-итти;

б/при различении глагольных времен:

иду-шел, есть-был, буду и др;

в/при различении степеней сравнения:

хорош-лучше, плохой- хуже, мал-меньше и др.

г/при различении грамматического числа:

человек-люди, ребенок-дети, один год-пять лет и др.

Супплетивизм основ наблюдается при изменении грамматического числа:

цветок-цветы, хозяин-хозяева, жеребенок-жеребята и др., а также в степенях сравнения: близок-ближе, высок-выше, редок-реже, низок-ниже и др.

Супплетивизм может иметь также деривационное значение, обычно в родовых парах: бык-корова, баран-овца, жеребец-кабыла, петух-курица, селезень-утка и др.

М.А.Полторацкая.

Х Р О Н И К А.

1. В Русской Секции Нью-Йоркского Отдела ААТСИЛ.

А. Председатель Отдела проф. Н. В. Первушин уже несколько месяцев находится в Европе - Англии, Франции, Швейцарии, продолжая свою работу о Славянском Олимпе и углубляя свое прежнее знакомство с положением изучения русского языка в Англии, Франции и других странах Европы.

Б. Доклад члена Секции Обуховой.

На одном из собраний членов Секции Е. К. Обухова поделилась своими соображениями в связи со своей практикой преподавания русского языка в Америке. Ее наблюдения основаны на работе с взрослыми в специальных группах.

По наблюдениям докладчицы, учениками которой являются лица разных национальностей, наиболее легко воспринимают русский язык/и в смысле усвоения языка вообще и, в особенности, в овладении произношением/ итальянцы и испанцы. Останавливается докладчица и на особенностях произношения американцами, французами, китайцами, отмечает наиболее трудные для иностранцев звуки русского языка - Ж, Ч, Ш, Щ, Х, Н. Ряд полезных соображений высказывает докладчица и относительно трудных отделов морфологии, синтаксиса, оценивает некоторые из наиболее употребительных учебников/главным образом, учебник Бондаря, проф. Фон-Гроника и Жемчужной-Бэйтс, проф. Знаменского и Нины Потаповой/. Не будучи удовлетворена полностью ни одним из них, она считает очередной задачей составление особой хрестоматии, где, в определенной последовательности были бы даны отрывки из произведений русской художественной литературы/прозы, поэзии/, а также и образцы публицистических статей. Очень полезным пособием при работе с начинающими докладчица считает особый "Картинный словарь русского языка". Ратует докладчица и за равное положение русского языка в программах американских школ среди других иностранных языков, на что, прибавим мы и от себя, русский язык имеет все права.

2. На Конференции в Миамском университете/во Флориде/, во время так называемой Недели, посвященной языкам /Language week/, продолжавшейся с 27 марта по 2 апреля настоящего года, на "Славянском вечере" о. Антоний М. Туркевич выступал с докладом об изучении славяноведения в Америке. В этом докладе о. Туркевич главное внимание уделит среди славянских языков - русскому. Он отметил, прежде всего, значительное уменьшение, в течение последнего десятилетия, числа студентов, изучающих русский язык. Ссылаясь на соответствующее обследование этого вопроса, он определяет это падение в 35%... Оказывается, что из общего числа в два с половиной миллиона студентов, обучающихся в высших учебных заведениях США, только две с половиной тысячи изучают русский язык. Указав признаваемые причины этого падения /не столько трудность языка, как подозрительное отношение к изучающим русский язык со стороны некоторых правительственных органов, а также и общества/, докладчик отмечает и еще одну, очень существенную по его мнению, а именно: невозможность для студентов, изучающих русский язык, посетить в настоящее время, в интересах углубления своих знаний по языку, ту страну и вступить в общение с народом, язык которого изучается/СССР/. Это - главная тема доклада, которая надлежащим образом и развивается.

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я.

1/ Some Recent Studies on the History of the Russian Language,

2/ Le conte de Bova Korolevic et le Vocabulaire russe

by B.O. Unbogaun. 1)

С большим удовлетворением познакомились мы в настоящем году с двумя новыми работами проф. Б.О. Унбегауна, посвященными вопросам истории русского языка и древней литературы.

Обе выше названные статьи так высоко научны/как и все, что пишет проф. Унбегаун/ и вместе с тем так наглядно представляют спорные проблемы современной филологии, что всем нам-русским педагогам-будет весьма полезно ознакомиться с их содержанием.

Начнем с более ранней работы: Some Recent Studies of the History of the Russian Language /Несколько новых исследований по истории русского языка/ она напечатана в "Ученых Записках Оксфордского университета" (Oxford Slavonic Papers, Volume V).

Проф. Унбегаун начинает статью с характеристики положения русской филологии в течение 20 лет под диктаторским гнетом "марризма", поддерживаемого советскими властями. В эти тяжелые годы невозможно было вести независимые исследования в области истории русского языка. Падение "марризма" в 1950 году помогло русским филологам освободиться от фантастических четырех элементов-Сал, Бер, Рох, Ион^{xx}/ и вернуться к традиционным методам исследования, к тем методам, которые приняты и западной наукой. И хотя партийный контроль продолжает давить на науку, тем не менее в первые 2-3 года после освобождения от марровского догматизма в СССР появились серьезные труды по истории русского языка. Наиболее значительными из них проф. Унбегаун считает пять книг, из которых первые три посвящены общему обзору истории русского языка. Это следующие книги: 1/Л.П. Якубинский/проф. Ленинградского университета/: "История древнерусского языка", 1953 г. 2/П.А. Черных: "Историческая грамматика русского языка; краткий очерк", 1953 г. 3/П.С. Кузнецов: "Историческая грамматика русского языка: морфология", 1953 г.

Начнем с книги Л.П. Якубинского.^{xxx/} Это наиболее ранний труд по времени его составления, но книга издана уже после смерти автора. Лев Петрович Якубинский умер в 1945 г., а книга вышла в 1953 г. и издавалась она уже учениками-слушателями покойного профессора.

x/ Страсбургский университет-Франция, Оксфордский университет-Англия.
xx/ Четыре элемента-Сал, Бер, Рох, Ион-составляли основу афетидологического метода в историческом изучении языков. Подробно в моей статье "Афетическая теория Марра", 1950. "В помощь преподавателю русского языка в Америке", №19, стр. 1-46.

xxx/ См. нашу статью: "Л.П. Якубинский. "История древнерусского языка", Москва, 1953 г./Некролог и рецензия/. Журнал "В помощь преподавателю русского языка в Америке", №31, стр. 59-60.

Книга состоит из отдельных глав его лекционного курса и, к сожалению, представляет собой сырой материал. /Я имею основание утверждать, что материал лекций подан неполно правильно, и что сам лектор излагал вопросы исторического развития русского языка гораздо глубже и объективнее; он очень часто мужественно вступал в споры с марристами и опровергал их "стадиальность, скачки", "универсальный" палеонтологический анализ и прочие яфетидологические атрибуты; книга же совсем не отражает этого/.

Проф. Унбегаун признает в целом научные достоинства труда Якубинского, но отмечает ряд погрешностей и слабых мест. Так, напр., говорит проф. Унбегаун, вступление представляет собой курьезное смешение взглядов Энгельса, Марра и Шахматова. Скажу и от себя: действительно, помещать Шахматова в одну компанию с Энгельсом и Марром не только курьезно, но и антинаучно; однако, такова была эпоха; сам Якубинский безусловно не думал так, но свободное научное мнение тогда/тогда ли только? / было задавлено.

По вопросу о происхождении славянского алфавита Якубинский по вторяет антинаучное/вполне присоединяюсь к мнению проф. Унбегауна/ советское утверждение, что русский алфавит был изобретен самими восточными славянами гораздо раньше, чем появилась кириллица; что же касается глаголицы, то св. Кирилл заимствовал ее у русских. Конечно, это не наука, но здесь на лицо новый курс советской политики: "все русское и ничего от безродного космополитизма". Очень печально/говорю от себя/, что такой уважаемый ученый и человек, каким был покойный Лев Петрович, вынужден был ввести в свои лекции подобную фантастику.

Проф. Унбегаун особенно вменяет в вину автору отдел о глаголах, в котором проявляются уже не методологические, а фактические ошибки против научной точности и даже терминологии.

Выскажем здесь наше мнение на этот раз не о проф. Якубинском, а о его критике. Проф. Унбегаун — не критик-разрушитель, а критик-созидатель. Указывая ошибки, проф. Унбегаун приводит от себя развернутое, убедительно доказываемое учение о русских глагольных видах, о хронологическом первенстве простого будущего над сложным с "буду", о возвратных глаголах и т.д.

Проф. Унбегаун не односторонен в своей критике: он воздает должное и положительным сторонам книги Якубинского: особенно он хвалит главу об определенных и неопределенных прилагательных. Он отмечает, как неоспоримое достоинство труда Льва Петровича, указываемую им связь прилагательных/определенных и неопределенных/ с синтаксическим положением их. Он считает также, что примеры к этому подобраны очень хорошо и что они убедительно подтверждают теорию Якубинского.

Проф. Унбегаун признает также научно ценными и практически полезными главы о предложных конструкциях и конструкциях с союзами причины и цели. В добавление к этому он приветствует интерес Якубинского к исследованию церковнославянизмов в "Поучении Владимира Мономаха" и считает весьма полезным приводимый в книге перечень славянизмов в современном русском языке.

Но, несмотря на указанные научные достоинства книги, проф. Унбегаун все же считает, что едва ли можно рекомендовать ее как учебное пособие, вследствие ее неустойчивой и смешанной методологии. Автор совершенно правильно/с нашей точки зрения/ заключает, что недостатки книги вызваны "смутным периодом" в русской филологии. х/

х/ "Смутный период" это мой вольный перевод "confusing period". М.П.

2/Книга П.А.Черных: "Историческая грамматика русского языка", Москва, Учпедгиз, 1952 г. появилась первой после "провозглашения новой лингвистической политики". Автор предназначает свой труд в качестве учебного пособия для студентов педагогических институтов, и поэтому излагает материал/соответственно программе этих институтов/ более скато и упрощеннее, чем это полагается по университетскому стандарту. Однако, по мнению проф. Унбегауна, подача материала и распределение его в книге Черных сделано лучше, чем у Якобинского. Что же касается методологии, то грамматика Черных страдает также крупными недостатками.

Наибольшее сожаление у рецензента вызывает тот факт, что автор крайне наивно пытается представить русский язык, как изолированный, самодовлеющий, с минимальными лишь связями с окружающим миром. Даже слово "варяг"/явно скандинавского происхождения/ представлено как исконно русское. Присоединяясь к мнению проф. Унбегауна, спросим и мы от себя: "к чему такие крайности?" Ведь русский язык неоспоримо принадлежит к высоко развитым языкам европейской цивилизации, и все исторические данные показывают, что с началом государственности на Руси и чем дальше, тем больше укреплялись связи русского языка с другими языками Европы. Следствием этого было многостороннее развитие русского языка. В наш язык, как в широкую реку, издавна вливались другие языковые ручьи. Перерабатываясь на русской основе, они становились национальным достоянием и внедрялись в нашу речь как органическая ее часть. Зачем же нам фальшиво представлять свой богатый язык каким-то отсталым провинциальным диалектом? Тут устами проф. Черных говорит не свободная наука, и принудительная политика "Железного занавеса".

Та же политическая тенденция самовосхваления и игнорирования культурного общения с Западом проявляется и в вопросе о происхождении русского алфавита. Снова повторяется официальная версия, что Кирилл нашел около 860 года в Крыму Евангелие и Псалтырь, написанные по-русски и русскими буквами, и воспользовался ими для составления глаголицы. Проф. Унбегаун выражает опасение/с нашей точки зрения, вполне основательное/, что будущие учителя, для которых предназначается этот учебник, вводятся в заблуждение неподтвержденными или совершенно устаревшими теориями.

Также неправильно представлено историческое взаимоотношение общеславянского и древнерусского языков. Наличие общеславянских элементов в русском языке сведено к минимуму и ограничено лишь дописанным периодом. Этим самым русский язык как бы замыкается в самом себе, откалываясь от семьи славянских языков.

Так ошибочно заложенная историческая база приводит к некоторым искажениям и в изложении фактического языкового материала: проф. Унбегаун подтверждает это показом недочетов в главах об исторической фонетике, об именном склонении и особенно в главе о глагольных видах.

Выше мы отмечали, как высокое достоинство рецензий проф. Унбегауна, созидательный характер его критики. И в разборе книги Черных, проф. Унбегаун также не ограничивается только вскрытием ошибок, но тут же исправляет их и подтверждает примерами их из древнерусских текстов.

В общем же проф. Унбегаун считает "Историческую грамматику русского языка" П.А.Черных приемлемой, но нуждающейся в исправлении.

3/. П.С. Кузнецов: "Историческая грамматика русского языка: морфология". /Московский университет, 1953/.

Содержание Грамматики проф. Кузнецова ограничено разделом морфо-

логии, точнее: лишь склонением и спряжением; словообразование не включено в книгу, хотя обычно вводится в состав морфологии.

Рецензент отмечает и в работе Кузнецова, как общий недостаток, слабость исторической перспективы, но с похвалой отзывается об оригинальных исследованиях автора в области древнерусских числительных выше ста тысяч, а также глагольных видов и времен. Особенно хвалит он главу о разрушении древней системы глагольных времен. По вопросу об истории будущего времени проф. Унгебаун вступает в дискуссию с автором книги и при этом, как мы уже не раз говорили, дает от себя яркую картину истории этой временной формы.

Вообще, мы должны признать, что, читая рецензии проф. Унгебауна на книги других авторов, мы в то же время почерпаем много высоко ценного из его собственных исследований и суждений.

.....

Закончив обзор общих курсов по истории русского языка, проф. Унгебаун переходит к разбору двух монографий:

1/С.Д. Никифоров "Глагол: его категории и формы в русской письменности второй половины 16 века" /Москва, Академия Наук, 1952 г./,

2/П.Я. Черных: "Язык Уложения 1649 года; вопросы орфографии, фонетики и морфологии в связи с историей Уложенной книги" /Москва, Академия Наук, 1953 г./.

Проф. Унгебаун признает высокий научный уровень обоих этих исследований. О труде Никифорова он отзывается в самых лестных выражениях:

"Nikiforov's book really does further our knowledge of Old Russian" и далее он признает особенно ценной заслугой этой книги то, что она проливает свет на заброшенную до сих пор область русской филологии, а именно на язык литературной прозы, который был или полностью церковно-славянским или под сильным влиянием церковно-славянского /"The language of literary prose that is either entirely Church Slavonic or strongly influenced by Church Slavonic"/.

От себя скажем, что совсем еще недавно советская филология отрицала силу влияния церковнославянского языка на древнерусскую литературу.

Большое впечатление производят рассуждения самого проф. Унгебауна о взаимоотношении разговорного и делового письменного языка 16 века, о диалектах той эпохи, о ряде грамматических проблем, о глагольной частице "ся" в различных залогах и др. Что же касается монографии Черных, о которой проф. Унгебаун отзывается с большой похвалой, то при разборе ее он приводит много своих, интересных и новых, заключений о московском произношении 17 века, о формации существительных множественного числа мужеского рода на А, типа: лесА, городаА, глазаА и др., о старых деепричастиях совершенного вида на А-Я, часть из которых дожила и до наших дней, об особенностях наречий 17 века: добрь, очунь и др.

Однако проф. Унгебаун решительно возражает против выводов П.Я. Черных, что структура делового языка 17 века была очень близка к современной грамматике. Напротив, он видит значительные различия и указывает на то, что и сам автор фактически опровергает свои выводы, когда показывает различные типы русского языка 17 века. Вот слова проф. Унгебауна: "his /т.е. Черных/ description has disclosed subtle nuances in the various types of the Russian language of the seventeenth century; and that it admirably shows the points

of difference between this Russian and that of our own day"/ "его описание стирало тонкие нюансы в различных типах русского языка 17-го века, и это чудесно показывает пункты различия между тем русским языком и языком нашего времени"/.

Вполне убедительно звучит общее заключение проф. Унбегауна о русской филологии настоящего времени. Он говорит, что советская филология выздоравливает от ее долгого паралича, но что ее успехам вредит полная изоляция от внешнего мира. Такое положение лишает советских филологов получать сведения о фактах и методах западных исследований и неизбежно приводит к ограниченности кругозора. И затем он развивает свою мысль: ".... никто не отрицает великолепия русской филологической традиции и никто не провозглашает исключительного превосходства западных методов, но наблюдателям кажется, что русские филологи с их непосредственным и неограниченным доступом к текстам и документам, необходимыми для изучения древнерусского языка, могли бы в совершенном виде выполнить свою ответственную задачу и остаться верными своим традициям, если бы они сорвали путы изоляции". х/

Нельзя не согласиться с этой горькой правдой. Но, конечно, не русские ученые виноваты в этом, а давящая их тяжесть "железного занавеса". Мы тоже не раз писали на страницах этого журнала, как было бы ценно для общечеловеческой культуры установить интеллектуальный контакт между учеными Запада и России. Но действительность разбивает наши мечтания.

.....

В заключение скажем несколько слов о достоинствах второго труда проф. Унбегауна: "Le conte de Bova Korolevic et le vocabulaire russe". Amsterdam, 1955 /."Сказка о Бове-Королевиче и русский словарь"/, издана в Амстердаме, в 1955 г.

С присущей ему тщательностью научного анализа, проф. Унбегаун разбирает и устанавливает различные версии этого произведения, возникшего как рыцарский франко-итальянский роман, обошедшего всю Европу и внедрившегося в России, как народная сказка. Но что особенно интересно и ново для русских лингвистов, — это анализ русского словаря/Vocabulaire russe/ в этой сказке. Как итальянские Clarenza, Chiaronza обратились в подлинно народный "Меч-Кладенец", и как романский chevalier из рыцаря у русских сказочников сделался "верным слугой Личардой"? Проф. Унбегаун дает исчерпывающий ответ на это, как и на многое другое, в своем исследовании.

М.А. Полторацкая.

2. Н.Н. Евреинов, История русского театра с древнейших времен до 1917 года. Издательство имени Чехова, Нью Йорк, 1955, стр. 74413, цена 3 американских доллара.

Скончавшийся в 1953 г. Н.Н. Евреинов — один из выдающихся русских режиссеров-новаторов, много писавший по вопросам театра и страстный пропагандист идеи, что "театральный инстинкт" присущ человеку всех времен: не быть, а казаться — вот импульс театрального творчества. И не только на подмостках, а в повседневной жизни.

х/Перевод мой; статья проф. Унбегауна написана на английском языке. М.П.

Евреинов в своей обширной посмертной книге дает попытку создать, не в пример знаменитым трудам по истории русского театра/напр., П. Морозова, Б. Варнеке, В. Всеволодского-Гернгросс и др./, "подлинную" историю русского театра, желая с полу-презрением отбросить многочисленные иноземные влияния, "искажившие" исконно-русское творчество, прервавшие самобытную эволюцию театра у россиян/см. предисловие, стр. 14/. Однако... почти половина книги рассказывает именно об этих влияниях, потому что, само собой разумеется, миновать их невозможно.

На наш взгляд, автору не удалось убедить читателей в "зловредности" влияний. Влияния были исторически закономерны. Через них/во всех областях/отсталая Русь/отсталая-опять-таки по причинам неизбежно-историческим/приобщалась к общечеловеческой культуре. Ведь знает же Евреинов, что и на Западе взаимные влияния-Италия-Франция-Англия-Германия- под воздействием возродившихся идеалов античного мира-были плодотворны, хотя и прерывали в каждой из этих стран развитие первичного обрядового театра. Всюду был естественным путь от обрядового театра к светскому. Неужели в сознании Евреинова воскресли давние и туманные тенденции славянофильства, отрицание единственно-исторически оправданного дела Петра Великого-сближения с Западом?

Страстность автора трансформируется в пристрастность. И тем не менее, история принуждает его написать отлично скомпилированные главы с ярким подбором примеров, образов и цитат.

Запальчивость тона у Евреинова ведет к непоследовательности. Так, напр., он, несомненный эрудит, впервые упоминает о превосходном историке театра проф. Б. Варнеке, отзываясь о нем, как об "устаревшем"/стр. 63/, и... в дальнейшем обильно цитирует его/стр. 105, 140, 143, 146, 154, 178, 197, 241, 279, 304-305/... и правильно делает, так как Варнеке до сих пор незаменимый авторитет по точности и скрупулезности научных сведений./Новое издание англ. перев.: History of the Russian theatre, by B. V. Varneke, #8, Macmillan, 1951/.

Другой пример: будто случайно, на стр. 138, автор, раньше разразившись филиппиками против иноземных влияний, признает, что для русской культуры в 18-ом веке "пришло время" сблизиться с Западом... Можно было бы продолжить выискивание противоречий в книге, однако не в них дело: несмотря на наличие многих спорных страниц, книга в целом представляет собой эффективно: темпераментно написанный сборник очерков по истории русского театра/для целостного научного курса в сборнике слишком много прерывистости, купюр, неполноты и субъективизма/. В этих очерках самым ценным является тщательный подбор сведений об актерах, манере игры, о технике сцены, декорациях, т.е. того, что собственно и есть театр. Драматургия оставлена на втором плане. Последние главы о театре рубежа 19-20 веков полемичны /МХАТ, его студии/ и беглы.

Небрежны библиографические сведения, отсутствует нужный в такой книге индекс имен, названий. Особенную досаду вызывают многочисленные опечатки, грубые и нелепые/вина издательства!/.

В заключение: вся книга пронизана действительно беззаветной любовью к театру, и читатели захвачены этим чувством; оно может многих толкнуть к более глубокому изучению тех или иных театральных вопросов по строго-научным специальным трудам.

Петр Ершов.

З.М.А.АЛДАНОВ. "Ключ", Издательство имени Чехова, Нью Йорк, 1955, стр.403, цена 3 американских доллара.

Каждое произведение М.А.Алданова—это удивительный сплав ума, простоты языка и предельной художественной выразительности. Этот сплав радует и в переизданном теперь романе "Ключ"/первое издание в 1929 г./.

Автор обладает, кроме того, даром, не всегда встречающимся у русских писателей, заинтриговывать сюжетно.

События, обрисованные в романе, относятся к последним месяцам перед русской революцией 1917 года. Обилие персонажей из круга русской интеллигенции различных оттенков позволяет познакомиться со сложным спектром мыслей, чувств, настроений русского общества накануне "великого взрыва", неизбежного и, в конце концов, горестного.

С объективной проникновенностью М.А.Алданов рисует умных представителей консервативного крыла, и они у него оказываются иной раз прозорливее, чем склонные к эффектной болтовне либералы, очерченные кое-где иронической кистью.

Роман в основе своей пессимистичен. Неизволительно думать, что этот безвыходный пессимизм является ретроспективным у автора, который, принадлежа к благородно-передовой части русского общества, февральскую революцию принял в свое время с большим оптимизмом, чем это сказывается у его симпатичного героя—судейского Яценко—, тоскливо подумавшего при виде начавшегося революционного разгула: "Нет, не то, не то.."

Читается роман запоем, с наслаждением. Глубина многих диалогов влечет к повторному чтению.

Петр Ершов.

4. АМЕРИКАНСКАЯ ЭПОПЕЯ.

Среди книг, опубликованных Издательством имени Чехова, имеются некоторые особого, так сказать, назначения: познакомить русских читателей со страной, куда забросила их судьба—с ее культурой и цивилизацией, с особенностями страны и характера американца, с прошлым и настоящим положением США. Некоторые из этих книг—"Дебри" К.Рихтера, "Моя Антония" Виллы Катэр, "Утро свободы" Э.Пэйдж/представляют собой произведения художественной прозы, а остальные—труды исторического и публицистического характера: "Американская эпопея" Джэмса Трослоу Адамса "Авраам Линкольн" Герберта Агара, "Большие перемены" Фредерика Льюиса Аллена, "По Сединенным Штатам" Джона Гюнтера, "Основы государственного устройства США" Арнольда Марголина.

Все названные книги, за исключением последней, представляют собой перевод с английского: их авторы—американцы и американки.

В целом все названные книги дают довольно яркую картину жизни США: они рисуют, как постепенно, с большим трудом, с напряжением всех своих сил, колонисты после своего внедрения на материк, неудержимо шли на Запад, боролись со стихиями, с непроходимыми лесами, с индейцами, оставляя по пути могилы своих близких, но все же постепенно продвигаясь вперед, превращая лесные дебри в пахотные земли и постепенно овладевая безграничными просторами нового материка/"Дебри", "Моя Антония", "Утро свободы"/. Эти книги рисуют нам, как разобщенные отдельные колонии переселенцев из Европы в свое время подняли борьбу против своей метрополии/Англии/ и завоевали себе свободу, а затем, в результате

борьбы с испанцами и индейцами, а также путем выгодных территориальных покупок завершили свое "собрание земель"; они рисуют нам выдающихся людей США—Вашингтона, Франклина, Джефферсона, Гамильтона, Адамса, Мэдисон, Монро, Джексона, Линкольна, Гранта, обоих Рузвельтов, Вильсона, Трумана, Эйзенхауэра и многих других, кому суждено было внести свою долю и в формирование американской демократии и создать в течение каких-нибудь трех столетий из разобщенных 13 первых колоний то мощное государство, которому принадлежит в настоящее время одна из руководящих ролей в мире/ "Утро свободы", "Авраам Линкольн", "Большие перемены", "Американская эпопея"/. И, как заключительный момент, картина США сегодняшнего дня/ "По Соединенным Штатам", "Основы государственного устройства США"/. И, по существу, то название, которое дал своей работе Джэкс Трослоу Адамс— "Американская эпопея"— может по-праву объединить все названные книги, так как они все говорят о том, как выковывалась современная мощь США и через какие невзгоды/ но и удачи, конечно! /должны были пройти Соединенные Штаты, чтобы занять то положение, которым они обладают теперь.

Имея в виду общее содержание названных книг, нельзя не признать, что Издательство имени Чехова удачно выполняет поставленную им себе задачу—постепенно знакомить русского читателя со страной, где он живет. Но в связи с указанной задачей Издательства позволительно спросить, так ли неосведомлен русский читатель в данном вопросе, так ли он мало знает Америку, почему и нуждается в соответствующем разъяснении?

Ведь нельзя же сказать, чтобы мы, русские, не "знали" Америки.. Мы давно составили о ней свое представление... В детстве—по романам Майн Рида, Фильмора Купера, Марка Твена, Джэка Лондона и др. Составили... и мечтали попасть в Америку.. Припомним хотя бы "Мальчиков" Чехова. В зрелые годы, еще задолго до революции, многие из русских перебрались сюда и... хлебнули горькой чаши. Некоторые не выдерживали и возвращались назад. Не будем останавливаться здесь на обрисовке США Горьким, а также советскими писателями, включая К. Симонова, побывавшего в США в 1946 г., но припомним Бунина/ "Человек из Сан Франциско"/, а также Короленко и отражение последним американской жизни времени его посещения США/ "Без языка"/... Но тяга в Америку продолжалась, приняв небывалые размеры после революции и особенно после 2 Мировой войны. Русским невооруженцам, перенесшим всяческие невзгоды и бедствия во время этой войны, Америка представлялась Обетованной Землей, куда они мечтали попасть. И мечтам многих тысяч русских суждено было осуществиться: Америка широко и гостеприимно открыла для них свои двери, и широким потоком стали вливаться сюда русские, претерпевшие и в Европе и в Азии большие испытания.

И что же? Нашли они здесь Обетованную Землю? Ведь здесь и личная, и политическая, и религиозная свобода, здесь развитая культура и цивилизация/ наука, искусство, литература, демократическое устройство государства, исключительно развитая техника, всевозможные удобства и широкие возможности хорошо устроиться и в материальном отношении...

Да, все это так, и многие, очень многие живут, благоденствуют, благодарят свою судьбу, приведшую их в Америку, и залечивают свои старые раны. Но есть не мало и таких, кому суждено было, по приезде в Америку, пережить не мало разочарований: она не оправдала их ожиданий.. Почему

х/Невозвращенцы—так называемые "Ди-Пи". Название составилось из первых букв двух английских слов: "Displaced Persons": "D"—Ди, "P"—Пи.

же "благодатная страна Вашингтона и Линкольна" ^{x/} часто вызывает резко критическое отношение многих и многих, кто, казалось бы, должен был, прежде всего, благодарить США за предоставленное гостеприимство и проявленное широкое участие к их горькой судьбе.

Неосомненно, многое в данном случае обусловливается личными особенностями тех, кто выступает с резкой критикой Америки, и на этой стороне дела мы останавливаться не будем. Но многое зависит и от того, что при суждении об "Америке" ее критики часто допускают несколько существенных ошибок, которые влекут за собой многие другие и содействуют формированию неправильной точки зрения на "Америку".

В самом деле.. Не имея правильного представления о государственном устройстве США, их истории, культуре, географии, экономике и т.п., мы часто в своих суждениях об Америке исходим от наблюдений над жизнью того местечка, уезда, города, штата, где мы живем. Привыкнув у себя на родине к ярко выраженной централизации, мы склонны отождествлять наблюдаемый нами кусочек американской жизни с американской жизнью вообще. Мы часто не знаем, что уже в соседнем штате жизнь может значительно отличаться от той, которую мы наблюдаем, и по которой ошибочно составили себе представление об американской жизни в целом. Кроме того, мы часто не только не знаем, но нам и трудно понять, что США — это федерация, что отдельные штаты являются, своего рода, суверенными государствами, что федеральная власть существенно ограничена в своих правах в отношении отдельных штатов, что последние, как правило, не терпят вмешательства государства в жизнь штата, что не только бытовая жизнь, культура, экономика и пр. могут значительно отличаться в разных штатах, но даже и законы отдельных штатов могут быть неодинаковыми по одним и тем же, даже очень большой важности, вопросам вплоть до судебных: за одно и то же преступление в одних штатах пошлют в газовую камеру или на электрический стул, а в других приносят к пожизненному тюремному заключению с возможностью, в дальнейшем, и освобождения из тюрьмы.. Нечего говорить уже о том, что многие из нас, особенно вновь прибывшие, не представляют себе, как разнятся между собой такие ярко выраженные районы США, как Восток, Юг, Средний и Дальний Запад со всеми своими присущими каждому из них с в о и м и особенностями.. А отсутствие правильного представления о последних не создадут, конечно, благоприятных данных для правильного понимания США.

Впрочем, нужно признать, что многое в жизни США остается непонятным и загадочным и для таких русских, кто годами уже живет в США, следит за жизнью страны не только по русской прессе, но и по американской, читает американские журналы, слушает радио, смотрит телевизор, принимает активное участие в общественной и политической жизни, осуществляет, как гражданин США, свои политические права и, казалось бы, достаточно хорошо знает США. Но даже и для такой категории русских многое неясно в жизни США:

1. Откуда у "американцев" такое явное недоверие к центральной власти, в частности, к власти ими же избранного президента, что вызвало принятие даже особого добавления к конституции, ограничивающего срок пребывания президента в Белом Доме?
2. Почему отдельные штаты обладают такими огромными правами, что федеральная власть часто не имеет права и возможности "навязать" свои решения отдельным штатам?

3. Оправдала ли себя в достаточной степени эта характерная особенность/х/ сохаленин, иногда это-только графариетная фраза в устах тех, кто не вкладывает в нее надлежащего, т.е. правильного содержания.

ность государственного устройства США — известный баланс сил, направляющих жизнь Штатов и недопускающий появление сильной власти в стране: исполнительная власть ограничивается законодательной, сохраняя в то же время право вето в отношении принятых Конгрессом законов, которое, впрочем, может быть "преодолено" Конгрессом, а рядом с этими двумя ветвями правительства и третья — Высший Суд, стоящий на страже Конституции и имеющий право объявить неконституционным тот или иной акт Президента и Конгресса; но этот же Высший Суд, состоящий из пожизненных судей, зависит и от исполнительной и законодательной власти: судьи выбираются Президентом, но утверждаются Конгрессом.

4. Как мыслимо в правовой стране, какой являются США, наличие всяких "заправил", "воротил", "хозяев" во главе разных политических организаций и партий, отдельных городских самоуправлений, в качестве руководителей трестов, разных объединений, а то и просто преступных организаций, с которыми бессильна бороться власть? Какими историческими обстоятельствами была вызвана такая бьющая в глаза своей ненормальностью особенность США, и какие силы поддерживают ее, в той или иной степени, доныне?

5. Почему так сильны были до самого последнего времени изоляционистические тенденции в США: почему они с такой настойчивостью "отталкивались" от Европы, что вызвало появление доктрины Монро?

6. Многим из нас не ясен даже такой основной исторический факт из жизни США, как гражданская война /1861-1865 гг./, когда погибло более полумиллиона человек только убитыми и ранеными... Как мы представляем эту войну? Мы знаем, что она велась за освобождение рабов, что освободителем негров является Линкольн. И мы не понимаем, почему в определенный момент возникла эта война. Но правильно ли наше представление о войне, как имевшей цель освобождения рабов? Прислушаемся к словам Освободителя негров: "Главнейшая моя цель в этой борьбе", писал он в августе 1862 г., "это спасти Союз, а не спасти или уничтожить рабство. Если бы я мог спасти Союз, не освободив ни одного раба, я бы сделал это; и если бы я мог спасти его, освободив всех рабов, я бы сделал это; и если бы я мог спасти его, освободив некоторых и оставив других в рабстве, я тоже сделал бы это"... В чем же дело? Что же представлял собой меньше, чем сто лет тому назад, тот государственный организм, нынешние США, который легко мог распасться, и для спасения которого нужно было пожертвовать полумиллионом жителей, не считая других уронах, которые принесла война?

7. Чем можно объяснить сохранение в течение долгого времени рабства в такой демократической стране, как США, как и наличие до сего времени целого ряда ограничений для негров, правда не повсеместное по США, несмотря на определенное решение Верховного Суда, отменившего эти ограничения?

8. Откуда у американцев некоторое пренебрежение к закону и частое нарушение его?

9. Как можно примирить, напр., огромные кредиты на школы всех типов, бесплатное образование, включая и среднюю школу, прекрасные школьные здания — и наличие безграмотных среди призванных на военную службу во время 2 Мировой войны?

10. Как можно совместить, с одной стороны, увлечение в США спортом, здоровый/в основном/ тип молодого американского поколения и, с другой стороны, огромное число забракovaných по состоянию здоровья среди призванных в войска/во время 2 Мировой войны/. Откуда и эти сотни тысяч психически больных американцев?

11, Как примирить наличие в США свободы вероисповеданий и известную нетерпимость и давление со стороны некоторых религиозных общин и вероисповеданий даже в настоящее время? Попробуйте, напр., избрать Президентом католика... Едва ли удастся вам это. По крайней мере до настоящего времени мы не наблюдали этого.

12, Почему так поздно США дошли до разработки фабричного и рабочего законодательства, до разработки социального обеспечения? И если раньше рабочие были бесправны, то не обладают ли они в данное время слишком большим влиянием, которое может на "законном" основании парализовать на некоторое время жизнь целой страны?

13, Правильно ли представление, что доллар, погоня за ним до сих пор господствует в США?

Таких вопросов можно поставить не один и не два десятка... Конечно, не на все приведенные вопросы, как и на многие другие, даются те или иные ответы в названных книгах, что и понятно, конечно: при написании этих книг/за исключением книги Марголина/ не имелись в виду иностранные, в частности, русские, с их особыми политическими и жизненными взглядами и недоумениями. Нужно из-за этого и того, что всякий автор может по-разному, и именно со своей личной точки зрения, подходить к отражению и пониманию истории и жизни США. Но и при всем этом несомненно одно: рассматриваемые нами книги подведут под нас тот фундамент, на котором мы создадим более правильное представление о США.

Можно думать, что Издательство имени Чехова будет и в дальнейшем выпускать, в интересах русского читателя, и другие книги, освещающие те или иные стороны жизни США. И хотелось бы высказать пожелание, чтобы в будущем уделялось больше внимания художественной литературе, рисующей жизнь США девятнадцатого и нынешнего столетий. До сих пор Издательство давало художественное отражение жизни Штатов только первых эпох, непосредственно следовавших после появления европейских колонистов на материке, отражающих стихийное движение американцев на Запад — именно этому, прежде всего, посвящены и Дебри, и Утро свободы, и Моя Антония. Теперь очередь за отражением жизни, более близкой нам, а также и современной: нам, русским, практически необходимо знать нашего современника — американца, и американские писатели могут помочь нам, особенно вновь прибывшим, более правильно понять нашего соседа — американца, с которым мы встречаемся в нашей повседневной жизни — на службе, в нашем квартале, на улице, в магазинах и лавках, на общественной и политической арене. "Нехорошо человеку жить в стране — и не знать и не понимать ее, и потому отталкиваться от нее, даже не любить!" — правильно сказано проф. Н.С. Тимашевым в предисловии к "Американской эпопее" Д.Т. Адамса.

Своим ознакомлением русских читателей с США Издательство имени Чехова оказывает услугу не только русским, но, несомненно, работает одновременно и в интересах самих США.

Н.П. Автономов.

х/В этом же предисловии проф. Н.С. Тимашев устанавливает ряд интересных параллелей/сходных и противоположных/ в истории России и США.

5. Words and Meanings /Слова и Значения/. Проф. Н. П. Вакар. Wharton College.
/The AATSEEL Journal, vol. XII, #3/

Проф. Н. П. Вакар выступил на годичном собрании Отдела ААТСИЛ в Новой Англии с интересным докладом по животрепещущим вопросам преподавания русского языка в Америке. Начал он с критики программы и системы, принятой в американских колледжах, и с горечью указал, что весь курс русского языка сводится только к усвоению основного словаря, вставленного в рамку крайне упрощенной грамматики. За весьма немногими исключениями, в колледжах если и преподается русская литература, то не на русском языке, в то время как французская, немецкая и испанская литература читается на соответствующих языках.

Нет удовлетворительных книг для чтения, которые были бы составлены по последовательно повышающимся ступеням изучения словаря и синтаксиса. К тому же, как правило, синтаксис вообще не изучается, и специального учебника по русскому синтаксису для американских школ не существует/последнее мы, с глубоким огорчением, констатируем от себя/.

Грамматическая система, особенно в разделе именного склонения и глагольных видов, умышленно искажается и упрощается до того, что подается студентам, фигурально выражаясь, с "детской ложечки" /with a baby spoon/. От этого студентам нередко приходится придумывать свои собственные правила и самим классифицировать грамматический материал. По словам докладчика, ни один из принятых учебников не разъясняет студентам, что русские слова не всегда соответствуют только одному понятию; и что самые предметы, обозначаемые этими словами, могут иметь различное назначение как для русских, так и для американцев. Из практических соображений/продолжает докладчик/ некоторые учебники стараются завлечь американских студентов, показывая на искусственно подобранных примерах, что русский язык состоит главным образом из слов, тождественных с американскими, как напр: студент, профессор, атом, бомба, демократия, автомобиль и т.п. Однако, иронически замечает автор, студент довольно скоро приходит к унынию, встретив в русской речи такие слова и выражения, которые не подходят ни под одну стандартную рубрику учебника или словаря. "Как, например, перевести: "Успей, матушка"-говорит старая графиня Лизанька/"Пиковая дама"/? Вполне присоединяясь к проф. Вакару, и мы тоже спросим: "Что американский студент найдет в словаре для перевода старого русского слова "матушка"? В словаре М. А. О'Brien, которым обычно пользуются наши студенты, слову "матушка" даны следующие американские эквиваленты: "little mother", "dear mother". Но не может же юная Лиза быть ни "little" ни "dear mother" для дряхлой графини! В других словарях еще прибавляется: "матушка - "wife of priest"; но и это дополнение не разрешает недоумения студента.

Вообще, надо сказать, что некоторые словари совершенно запутывают студентов. Так, напр., мои студенты однажды перевели: "Спокойной ночи, порядочный человек" /Good night, a respectable man/, а в другой раз написали: "В сенаторы обычно выбирают стряпчих". В подтверждение своей правоты, они раскрыли мне словарь O'Brien на 183 странице. И действительно, я прочитала своими глазами: *Свойца стряпчий* /и больше никаких других слов/. Мы также вполне соглашались с проф. Вакаром, что до крайности урезанная школьная грамматика не может дать ответа студентам на многие вопросы и часто заводит их в тупик. Вот, например, две фразы: 1/Он велел им взять свои книги" и 2/ "Сч взял их к своим родственникам". В обоих предложениях стоит одно

и то же местоимение "свой", однако по смыслу в первом предложении надо переводить английским *their/their books/*, а во втором - *his/his relatives/*. Но как студенту разобраться в этом? К сожалению, в американских учебниках русского языка мы не встретили исчерпывающего объяснения, когда употреблять и как переводить местоимение "свой"/действительно, совершенно своеобразное местоимение в русской речи/. От этого студенты сплошь и рядом переводят: "Своя жена с мужем сидят за столом"; "Свой отец купил дом для его сына"; "Кто он" - "Он - свой муж"/*He is her husband/*. "Офицер целует его жену"/вместо "свою"/- *The Officer kisses his wife* и многое т.п.

Проф. Вакар совершенно справедливо настаивает на том, что учебники и словари должны показать учащимся, как русский язык далек от единого шаблона, и как, в зависимости от стиля речи, может меняться смысл или оттенки смысла в том или ином слове и выражении.

В процессе обучения русскому языку надо также показывать студентам, что одни и те же предметы, действия и понятия могут обозначаться различными словами в зависимости от различного уровня общественных групп. Исходя из этого/подчеркивает докладчик/, очень важно для успеха преподавания разъяснять американским студентам значение русских слов в целом, с различными их оттенками, а также значение отдельных морфем: корней, приставок, суффиксов. Важно также объяснять происхождение слов и их исторические изменения/если это происходило с данным словом/ и новые функции некоторых старых слов в советском употреблении и т.п. Докладчик заканчивает свои практические предложения указанием на то, что необходимо изучать и самый народ, который создал русский язык. Как, например/спрашивает докладчик, американец поймет и тем более переведет выражения, подобные следующему: "С пальцем девять, с огурцом пятнадцать", если он не будет знать, кем, когда и почему они были сказаны?

Мы добавим к этому, что таких вульгаризмов появилось еще больше в советском арго, например: сделать "на все сто"; "на большой", "на большой с присыпкой", "на ять", "на ять с крышкой" и т.п. Надо обращать также серьезное внимание на различное и часто даже противоречивое определение одних и тех же слов в русском и английском словоупотреблении. Особенно это касается советских словарей. Так, напр., слово "демократия" имеет точный эквивалент в русском языке - "народоправство", однако в советских словарях это слово вовсе не упоминается, а взамен его дается партийно-пропагандное толкование: "правительство для трудящихся масс" и тут же рядом враждебный выпад против правительства США.

Далее докладчик переходит к вопросу, как обучать американских студентов переводу на английский язык таких русских слов, которые не имеют равнозначных для себя в английском языке, и наоборот: как переводить те английские слова и специальные американские выражения, для которых нет соответствующих слов/а иногда и понятий/ в русском языке. Мы также считаем это чрезвычайно серьезным вопросом. Действительно, как точно передать по-английски эмоциональные частицы: а, же, ка, ведь, ну и т.д.? Как перевести метафорические выражения: "говорящие глаза, говорящая улыбка, ходить козырем, иметь свой угол"? Если все это переводить дословно, то получится бессмыслица. С другой стороны, невозможно дословно переводить и американские выражения, как, напр., "privacy" или "sweetheart" или "girl-friend" или американское обращение к замужним женщинам и даже похилым "girl-girls". Буквальный перевод этого обращения был бы совершенно недопустим и обидным для русской женщины. Также почему сосиски в Америке называются "hot dogs"? Наши студенты переводят буквально: "жареные

/или горячие/ собаки". Почему дождь называется "Cats and dogs", и как перевести это по-русски? Наши студенты шутят в дождливый день: "Сегодня кошки и собаки падают с неба"...

Проф. Вакар, подводя итоги сказанному о важности переводов, подчеркивает значение свободных переводов, передающих точно мысль с одного языка на другой, а не набор ничего не значущих слов. Вполне соглашаясь с докладчиком, мы должны отметить, что зольные переводы налагают на преподавателя еще большую ответственность и требуют безупречного знания обоих языков, обоих народов и их культуры.

Докладчик обращает внимание иностранных переводчиков на то, что иногда, не понимая точно смысла русских слов, они переводят по созвучию с другим словом и тем самым искажают смысл. Например: "У лукоморья дуб зеленый" переводится как "Green Oak by the Onion Sea". Или: "Она идет к обеду" переведено: "She sits down to eat".

Скажу от себя: меня тоже удивил в одной американской учебной книге перевод из "Недоросля": Кутейкин-это значит: "человек, который любит кутить".

Докладчик высказывает также ценные соображения по поводу изучения уважительных и уменьшительных суффиксов, без которых немислима русская речь. Для понимания их студент должен чувствовать дух русского яз. И учитель должен всеми силами стараться развить в нем это чувство.

Проф. Вакар закончил свой доклад практическими предложениями, в основном, следующими:

- 1/расширить программу преподавания русского языка,
- 2/ввести изучение образования слов и их значения в программу младших курсов; настаивать, чтобы студенты хорошо понимали текст, прежде чем переводить его; работать русскому отделу в тесном контакте с английским и проводить некоторые курсы и семинары совместно;
- 3/регулярно обмениваться опытом преподавания и новыми идеями с коллегами-преподавателями через MLA, AATSEEL или другие организации.

Мы добавляем: а также через Русский Педагогический журнал, издаваемый Н.П.Автономовым. Этот журнал посвящен исключительно преподаванию русского языка, и, следовательно, на его страницах мы можем наиболее многосторонне и углубленно обсуждать наши насущные вопросы.

- 4/Настоять на том, чтобы студенты укрепляли свои лингвистические занятия изучением русской истории, социологии и литературы.
- 5/Способствовать организации высших курсов рус.яз., в частности с аспирантурой /with graduate schools/ и переподготовки для учителей;
- 6/стараться внушить администрации колледжей идею, что хороший дом не может быть сделан ручной пилкой, и еще меньше-личница-швейной машиной.

Последний пункт мы считаем самым актуальным, и открыто говорим: для американской школы нужны настоящие учителя в такой же степени, как для госпиталя-врачи, для завода-инженеры, для армии-офицеры... Но нам приходится сталкиваться с противоположным мнением; нам нередко говорят, что профессиональные педагоги мешают преподаванию, и что лучшим преподавателем будет не специалист в этой области, а совсем наоборот-человек иной профессии, лишь бы он только говорил по-русски. В ответ на это мы можем сказать одно: нам крайне жаль прекрасную американскую молодежь! А в общем, мы разделяем все мысли проф. Вакара и желаем, чтобы его практические предложения поскорее осуществились. Поле педагогической деятельности в Америке очень широкое и дружными усилиями можно собрать обильную жатву. *М.А. Полторацкий.*

6. СПРАВОЧНИК издательства имени Чехова для авторов, переводчиков, корректоров и других работников печати. Издательство имени Чехова. Составили Л.Л. Домгер в сотрудничестве с работниками Издательства имени Чехова. Нью-Йорк, 1955. Цена 3 американских д.

В Справочнике — 4 отдела: 1 отдел — Подготовка рукописи к набору/Внешний вид рукописи. Структура рукописи. Орфография. Прописные буквы. Пунктуация. Прямая речь и диалоги в повествовательной прозе. Драматические произведения и стихотворения. Цитаты, ссылки, примечания. Таблицы и выводы. Сокращения. Переносы из строки в строку;/ 2 отдел — Корректур/Общие сведения о корректуре. Корректур в гранках. Корректур в сверстанных листах. Сверка. Подпись к печати;/ 3 отдел — Транскрипция собственных имен; 4 отдел — Словарь собственных имен/Историко-биографическая часть. Географические названия. Личные имена/.

Уже одно это оглавление говорит за себя, за чрезвычайную полезность Справочника. Конечно, некоторые его части имеют специальный характер и обслуживают нужды не широкого круга лиц/"Внешний вид рукописи"... "Структура рукописи", весь отдел о корректуре/.. Но ведь наряду с этими "специальными" отделами, Справочник дает много полезных советов, указаний и правил, которые должны интересовать всякого грамотного русского человека/"Орфография"... "Прописные буквы"... "Пунктуация"... "Переносы из строки в строку"... "Транскрипция собственных имен"... "Географические названия"/.

Нельзя не признать, конечно, что некоторые положения Справочника могут быть спорными/напр., транскрипция собственных имен/, но в целом — перед нами полезная, чрезвычайно полезная книга и не только для специалистов, но и для желающих грамотно писать, быть авторами и издавать книги...

Н.П. Автономов.

7. Анри Труайя. В горах. Роман. Перевод с французского Елены Добромысловой. Издательство имени Чехова. Нью-Йорк, 1955. Цена — 2 ам. дол.

Какой идиллической картинкой начинается этот "роман": бывший проводник по восхождению на горы Исай и его небольшое стадо овец — 15 старых и 3 ягненка... Исай — большое "дитя", несмотря на свои 52 года, с любовью ко всем-родному дому, бездельнику младшему брату Марселлину, который из старшего брата "вьет веревки", к своему стаду, к ~~се~~ односельчанам... И такое быстрое нарастание жутких для Исай событий: Марселлин хочет продать родной дом, в горах упал аэроплан, и все пассажиры погибли; погиб и один односельчанин — опытный проводник, пытавшийся подняться к аэроплану... И план Марселлина: подняться, с помощью брата, на горы, к аэроплану, воспользоваться золотом/говорили, что аэроплан перевозил золото из Индии/, обогатиться мертвых и — разбогатеть... Братья поднимаются к аэроплану, и на наших глазах Исай, так любивший брата, так заботливо и самоотверженно помогавший ему подняться на гору, начинает враждебно относиться к брату и равнодушно наблюдает его смерть. Как, под влиянием каких поступков, слов Марселлина могла произойти такая перемена в Исае?

Мастерски обрисован вызывающий нашу симпатию Исай и негодник Марселлин. И все это на протяжении каких-нибудь 163 страниц...

Русский читатель будет вдвойне удовлетворен при чтении этого "романа" — и содержанием его и тем, что автором его является Анри Труайя — русский по происхождению — Тарасов из Москвы.

Н.П. Автономов.

8. Русские Писатели. Л.А.Коварская. 330 стр. Нью Йорк, 1954. Цена 3 дол.50/с пересылкой/.

В книге 25 биографий русских писателей: Ломоносова, Фонвизина, Державина, Карамзина, Жуковского, Крылова, Грибоедова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Белинского, Тургенева, Толстых/Л.Н. и А.К./, Достоевского, Аксакова/С.Т./, Тютчева, Гончарова, Некрасова, Кошкова, Никитина, Островского, Салтыкова-Щедрина, Короленко, Чехова. При каждой биографии дается хорошо исполненный портрет писателя в целую страницу.

Отдельные очерки знакомят читателя с краткой биографией писателя и дают общую характеристику его творчества.

Одной из положительных особенностей книги является обилие цитат. Прежде всего — одна цитата предпослана всей книге. Она взята из Короленко: "Я нашел тогда свою родину, и этой родиной стала прежде всего русская литература". Кроме того, одна или несколько цитат предшествуют каждому очерку. Эти цитаты, вскрывая, по мнению автора книги, очень удачно, особенности творчества данного писателя. Эти цитаты принадлежат или нашим литературным критикам, или другим русским классикам, или же лицам, пользующимся большой известностью/Алданову, Ключевскому, имп. Александру Первому, Бердяеву/. Не мало цитат приводится автором и при рассмотрении литературной деятельности писателя.

Обращает на себя внимание, что иногда писателям меньшего, так сказать, калибра уделяется больше внимания, чем нашим наиболее прославленным писателям и поэтам. В самом деле: Жуковскому уделено в книге 14 стр., Ломоносову и Карамзину — по 12, Фонвизину и Кошкову — по 11, Державину — 9; и на ряду с этим — Л.Толстому и Тургеневу — по 10, Лермонтову — 8, Пушкину и Чехову — по 7, а Достоевскому и Гончарову — только по 6. Конечно, само по себе количество страниц еще не говорит, как представлено творчество писателя на большем или меньшем числе страниц, но хотелось бы, чтобы большим писателям уделялось и больше места.

Жаль, что в книге нет биографии А.Н.Майкова и очерка его литературной деятельности: он по праву принадлежит к классикам.

Книга посвящена "потерявшему свою родину русскому юношеству", и это обстоятельство объясняет многое в характере обрисовки рассматриваемых писателей.

Данное издание — четвертое; первое вышло в Париже в 1921 г.; остальные в Нью Йорке; издания разошлись. И уже одно это говорит в пользу книги — значит, нужда в ней есть, и она находит своего читателя. Это, впрочем, и не удивительно: написанная простым, но в то же время правильным литературным языком, книга дает прекрасный материал, очень интересный и для русской молодежи и для американцев, изучающих русский язык. Для последних она может являться и хрестоматией и вводным очерком при знакомстве с рус. литературой.

Издана книга очень изящно.

Очень хорошая и очень полезная книга

Н.П.Автономов.

Новые книги, журналы, рукописи.

- 1, Д-р А.А.Крейслер. Три Сестры А.П.Чехова. С введением, примечаниями и словарем. 134 стр. 1954. Издание автора. Ланчбург, Виржиния.
- 2, Журнал ААТСИЛ, том 13, №2, июнь 1955 г. Цена — 1 амер. доллар.
- 3, А.Панхержевский. Грамм-анализ/рукопись/. Описание учебно-тренировочного динамического наглядного пособия по грамматическому анализу для изучающих иностранные языки. Австрия, 1955.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ. ж/

Простите за беспокойство. Я рѣшилъ обратиться къ Вамъ за помощью въ разрѣшеніи нѣкоторыхъ, затруднительныхъ для меня, мѣстъ въ славянской грамматикѣ.

Меня интересуетъ, когда въ славянскомъ языкѣ употребляются прилагательныя и причастія полныя и когда краткія?

Изъ нѣкоторыхъ грамматикъ мнѣ удалось кое-что узнать; такъ, напр., изъ "Древне-славянской грамматики" Буслаева и "Исторіи древне-русскаго языка" Якубинскаго (Москва 1953), а также изъ собственныхъ наблюденій я узналъ слѣдующее:

Им. прилагательныя и причастія бываютъ аттрибутивныя (опредѣленія) и предикативныя (относящіяся къ сказуемому).

Аттрибутивныя прилагательныя бываютъ полныя и краткія, предикативныя же--только краткія.

1. Аттрибутивныя: Краткія и полныя прилагательныя и причастія употребляются въ зависимости отъ категоріи опредѣленности или неопредѣленности: 1) краткія прилагательныя и причастія употребляются въ приложеніи къ предметамъ неопредѣленнымъ, а полныя-- въ приложеніи къ предметамъ опредѣленнымъ и извѣстнымъ (т.к. полныя окончанія прилагательныхъ и причастій--это мѣстоименіе ѣ (онъ), употребляемое въ значеніи опредѣленнаго члена).

При сравненіи греческаго текста съ славянскимъ--греческимъ прилагательнымъ или причастіемъ съ членомъ, въ славянскомъ текстѣ соотвѣтствуютъ прилагательныя или причастія полныя, а греческимъ прилагательнымъ или причастіемъ безъ члена, въ славянскомъ текстѣ-- краткія.

2) Краткія прилагательныя употребляются еще тогда, когда опредѣленность заключается въ самомъ лексическомъ значеніи слова и грамматическое выраженіе опредѣленности становится излишнимъ, хотя можетъ и быть:

а) Иногда въ собственныхъ именахъ: новѣ(ѣ)градѣ, новѣ(ѣ)града, бѣлѣ(ѣ)-градѣ; впрочемъ, употребляются больше полныя (опредѣленность оформлена грамматически): бѣлѣ(ѣ)и оустѣ(ѣ)гѣ.

б) Въ прилагательныхъ притяжательныхъ: сестринѣ(ѣ) домѣ, княжь(ѣ) конѣ...

Относительныя прилагательныя на -скіи родственны съ прилагательными притяжательными и имѣютъ также опредѣленность въ своемъ лексическомъ значеніи, но у нихъ опредѣленность выражена грамматически. Въ теперешнемъ ц.-славянскомъ яз. они обычно бываютъ полныя: галілейское море, іорданская пѣстина.

3) Причастія, стоящія вмѣсто сказуемаго въ сокращенныхъ прилагательныхъ предложеніяхъ опредѣлительныхъ, употребляются всегда полныя: человѣкъ(ѣ), ѣже сотвори сѣ(ѣ) = человекѣ(ѣ), сотворившій сѣ(ѣ), такъ какъ мѣстоименіе ѣ(же) переходитъ на причастіе и дѣлаетъ его полнымъ: сотвориѣ(ѣ) + ѣ(же) = сотворившій.

При сокращеніи сложнаго сказуемаго, связка переходитъ въ полное причастіе (сѣ(ѣ) бѣ(ѣ)шій), а именная часть его остается безъ х/По техническимъ условіямъ, пришлось заменить обращение автора письма къ редактору журнала "Многоуважаемый Николай Павлович" словами: "Письма в редакцию".

измѣненія: ἰωσήφъ же мѣжъ ἔα πράβενъ сый (вм., ἢ же πράβε-денъ ἔσть) Мф. I, 19.

4) Прилагательныя и причастія, стоящія вмѣсто им. существительныхъ, обычно употребляются полныя, -- въ широкомъ и обобщенномъ или неопредѣленномъ смыслѣ употребляются и краткія: μῖλ' ἄλ' ἡνίκα ἐξ αὐτῶν δίδωται ἑξ ὧν (Пртч. Сол. I, 17).

II. Предикативныя: 1) Когда прилагательныя или причастія входятъ въ составъ сложнаго сказуемаго: Δοῦμ' (ἔσθ') κάμην'.

2) Когда прилагательныя или причастія дополняютъ сказуемое (это я взялъ изъ греческаго синтаксиса).

Дополненіе можетъ быть а) субъективнымъ и б) объективнымъ:

а) Субъективное: κῦρος ἐὺρεθῆ πλοῦτος, -- по-славянски, думаю, можно перевести: κῦρ' ὠβρέτеса вѣренъ.

Κῦρος ἐὺρεθῆ ἀληθεύων — κῦρ' ὠβρέτеса ἱστίνσταδα.

По-русски переводится творительнымъ падежомъ.

б) Объективное: ἡ σοφία εὐδαίμονα ποιεῖ τὸν ἄνθρωπον.

премудрость блажена творитъ человека.

По-русски творительный падежъ: блаженнымъ (счастливымъ).

τί με λέγεις ἀγαθόν;

Что ма глаголеши блага;

} Евангеліе отъ
Маттея I, 17.

Что ты называешь Меня благимъ?

3) Когда причастія употребляются въ смыслѣ русскихъ дѣепричастій (являются нарѣчнымъ опредѣленіемъ сказуемаго). Причастія въ этомъ значеніи употребляются только въ именит. падежѣ, такъ какъ относятся къ подлежащему, имѣютъ родъ и число:

	м.р.	ж.р.	с.р.	
ед.ч.	твора	творящи	твора	} настоящ. времени.
дв.ч.	творяща	творящѣ(и)	творящѣ(и)	
мн.ч.	творяще	творяща	творяща	

4) Причастіе "дательнаго самостоятельнаго".

Кромѣ перечисленныхъ пунктовъ, у меня все же есть еще недоумѣнія относительно краткихъ прилагательныхъ и причастій, о которыхъ и хочу Васъ спросить. Приведу примѣры:

1) πρεσβύται же μάτι τῶν βοπιῶν, ρυδαῖον μάτερ κῖ: καὶ κῶ не возрыдаю, ἢ οὐ τρῆβ мо ε не вѣю, зрῶ κῖ τῶ на га ἵ κῶ ὡ с с ж д е на, на др ε κ т в и с а ц а... (стихира на хвалитехъ страстнаго пятка).

Παρεστῶσα δε ἡ Μήτηρ σου ἐ β ο ῶ, θρηνηδοῦσα μητρικῶς. Πῶς μὴ θρηνήσω, καὶ τὰ σπλάγχνα μου τύψω, ὁρῶ σά σε χυμνόν, ὡς κατὰ κρίτον ἐν ξύλῳ κρεμάμενον;

Эти подчеркнутыя прилагательное и причастія, являются ли они атрибутивными или же предикативнымъ дополненіемъ къ ЗРАЩИ.

2)... Ѿвѣрзи мѣ покааніа дѣрь, члѣвколюбче їисе, и пріими ма, тебѣ припадающа, и тѣплѣ просаща... (канонъ Іисусу Сладчайш., пѣсны-я, троп. 2 припадающа и просаща -- являются ли они атрибутами (опредѣленіями) къ МА?)

3)... їже и оужасомъ ѿдержими, дѣлахѹса, вѣдаще мѡѷсеа и їлїю, глаголюща съ тобою, хотѣшаа приключѣтиса тебѣ... (стихирѣ 3-я на "Господи возвахъ", 6-го августа на Преображеніе).

... οἱ καὶ τῇ ἐκστάσει συνεχόμενοι, ἐθαύμαζον βλέπτονες
Μωϋσῆν καὶ Ἠλίαν συλλαλῶντας σοι τα μέλλοντα συμβαίνειν σοι...

Почему глаголюща употреблено краткое причастіе, а также συλλαλῶντας безъ члена? (атрибутивное это причастіе или предикативное?)

Еще одинъ вопросъ: Можно ли субъективное дополнение считать за именную часть сложнаго сказуемаго?

Въ грамматикѣ Смирновскаго говорится, что въ смыслѣ связки, кромѣ гл. "быть", могутъ употребляться и др. глаголы, напр.: бывать, стать, становиться, дѣлаться, слѣть, казаться, считаться и т.п. напр.: --Короче становился день (Пшк.). --Мужикъ казался мнѣ правъ.

Въ славянскомъ языкѣ субъективное дополнение бываетъ при глаголахъ: нарицаѣти, сѣтворѣти, сѣдѣлати, поставѣти, избирѣти, назначѣти и др. (стоящихъ въ страдательномъ залогѣ) бл҃жени миротворцы, ѣкѡ тѣи сынове бж҃ји нарекутсѣ.

Еще разъ пролѹз: простите за беспокойство.
Іеромонахъ Алипій.

ОТВѢТЫ Д-РА М.А. ПОЛТОРАЦКОЙ.

1. По вопросу о предикативныхъ и атрибутивныхъ именахъ прилагательныхъ.

Ваши рассужденія о предикативныхъ и атрибутивныхъ именахъ прилагательныхъ совершенно правильны и ценны для науки. Сопоставленіе именъ прилагательныхъ и причастій изъ церковнославянскихъ текстовъ съ соответствующими имъ греческими оригиналами подтверждаетъ правильность Вашихъ выводовъ. Греческіе тексты подобраны Вами съ подлинной научной достоверностью и тщательностью. В целомъ, Ваше письмо весьма интересно для филолога.

Постараюсь ответить на поставленные Вами вопросы.

2. Ответ на первый вопрос.

Подчеркнутые Вами прилагательные и причастия являются предикативными дополнениями к "зрячи" и потому выражены краткой формой.

3. Ответ на второй вопрос.

Высказанное Вами предположение является совершенно правильным ответом на поставленный вопрос.

4. Ответ на третий вопрос.

"Глаголющ" является по смыслу деепричастием времени, и потому оно выражено краткой формой. Смысл таков/в переводе на современный русский язык/: "...видел Моисея и Илию в то время, когда они глаголали/говорили/с Тобой"...

В греческом тексте ἐν τῷ χρόνῳ употреблено без члена, потому что это также не атрибутивное причастие, а деепричастие, означающее то же, что и в церковнославянском в то время, когда они говорили.

5. Ответ на четвертый вопрос.

Бесспорно, дополнение можно считать именной частью составного сказуемого.

Связкой в составном сказуемом обычно служит глагол "быть", во всех трех временах изъявительного наклонения, а также в условном и повелительном наклонениях. В значении связок могут еще употребляться следующие глаголы: бывать, стать, становиться, являться, делаться, считаться, называться, казаться, оказываться, слыхать, представляться, представлять собою и др.

Если составное сказуемое обозначает, кем или чем является предмет речи, то именная часть такого сказуемого выражается существительным, чаще всего в творительном падеже. Сказуемое "представлять собою" обычно сочетается с винительным падежом существительного. Само собой разумеется, что именная часть составного сказуемого, выраженная именем существительным в творительном или винительном падеже, является дополнением к глаголам, например: 1/Мы были друзьями. 2/Я буду солдатом. 3/Он казался стариком. 4/Это происшествие явилось неожиданностью для всех. 5/Он слых добрым. 6/К двадцати годам он сделался силачом. 7/Старший сын считался умником, а младший простаком. 8/Соль является химическим соединением хлора и натрия. 9/Деревня представлялась мне раем/твор. п./после огромного шумного города. 10/Деревня представляет собой рай/винительный падеж/после огромного шумного города. 11/Сеялка представляет собою сельскохозяйственную машину/винительный падеж/. 12/Изучить Арктику стало задачей полярных исследований. 13/Он оказался обманщиком. 14/Каспийское море называется морем за свою величину и др.

М. Полторацкая.

57

FROM THE EDITOR

In the issue #32 of the Journal an article of Dr.M.A.Poltoratsky "ABOUT PRACTICAL EXPERIENCE OF STUDYING RUSSIAN LANGUAGE" was published.

This issue together with #33 was sent to Admiral L.C.Stevens, in return, two letters were received from him.

The Editors of the Journal consider them to be of interest to the readers because of Admiral Stevens's point of view on the importance of studying Russian language in building up understanding between American and Russian people. Both these letters are reproduced below.

Editor

PS. Late Admiral Leslie C. Stevens was an American Ambassador to the USSR. The letters have been published with his consent/#34,p.57/.

I

26 April, 1955

Dear Dr. Poltoratsky:

Thank you very much for your kindness in sending me the issue of "В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ..." which contains your fine article based on my "Russian Assignment". Your perceptiveness and generosity in selecting your material from that book is a source of much pleasure and satisfaction to me.

Needless to say, I have a great deal to learn the Russian language, but it is such a wonderful language that I feel very flattered that someone like yourself seems to feel that I have made a small contribution, however small, toward breaking down the barriers that lie in the way of appreciating and enjoying it.

With all best wishes and again thanks, I am

Most sincerely

Leslie C. Stevens

II

8 May, 1955

Dear Mr. Avtonomoff:

Thank you for sending me the latest issue of your Pedagogical journal. You deserve much praise for your devotion and skill in publishing such a creditable and useful journal.

Thank you also for your generous remarks about the usefulness of my "Russian Assignment" in showing the value of language in reaching some understanding of another people in a different culture. To my mind, a knowledge of the language is absolutely essential, and it is a fine thing that people like yourself unselfishly devote so much effort toward furthering that knowledge.

With kindest regards and all best wishes, I am

Most sincerely

Leslie C. Stevens

THE PROGRAM OF THE JOURNAL

1. THE AMERICAN SYSTEM OF EDUCATION.
2. THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE REPUBLICS OF USSR.
3. TEACHING OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN EUROPE, ASIA AND OTHER PARTS OF THE WORLD.
4. METHODOLOGY AND TEACHING TECHNIQUE OF THE RUSSIAN LANGUAGE.
5. THE PROBLEM OF THE PEDAGOGICAL TRAINING OF TEACHERS OF THE RUSSIAN LANGUAGE.
6. ANALYSIS AND EVALUATION OF TEXT-BOOKS, AND OTHER EDUCATIONAL FACILITIES.
7. GRAMMATICAL PROTECTION AND RETENTION OF PURITY OF STYLE IN THE RUSSIAN LANGUAGE.
8. AN ACCOUNT OF SCHOOLS, ORGANIZATIONS, INSTITUTIONS, SOCIETIES, AND CLUBS, WHERE THE RUSSIAN LANGUAGE IS TAUGHT.
9. PERSONALITIES EXPOUNDING THE RUSSIAN LANGUAGE.
10. INFORMATION.
11. BIBLIOGRAPHY.
12. REFERENCES.
13. MISCELLANY.
14. LETTERS TO THE EDITOR.

THE JOURNAL IS ISSUED FOUR TIMES A YEAR

SUBSCRIPTION RATE:

\$4.00 PER YEAR, \$1.25 PER COPY

THE PUBLISHER-EDITOR:

N. P. AVTONOMOFF

310 - 29th AVENUE

SAN FRANCISCO 21, CALIFORNIA